

СМЕНА

СИГВАЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

17
1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСЕНКА

(Из кинокартины «Об этом забывать нельзя»)

Музыка М. БЛАНТЕРА.

Слова Евг. ДОЛМАТОВСКОГО.

Умеренно

У-ди-
в. в на-шем го-ро-де сту-ден-ты
в об-ще-житьях раз-го-во-ры дол-го
о ко-гда су-мет се-р-дце греш-и-
о мо-чи ва- про-лет.
раз-го-во-рчи- вы-е лю-ди вдруг те-
_вать сво-и гра-ва,
Для по-любов-ных
_ри-ют все сла-ва.
Для по-любов-ных
_ри-ют все сла-ва.

В нашем городе студенты —
Удивительный народ,
В общенитных разговорах
Даются ночи напролет,
Но когда сумеет сердце
Предложить свои права,
Разговорные люди
Вдруг теряют все слова.

Мы пришли сюда учиться
Из далекого села,
Мы не ведали, не знали,
Что любовь за нами шла,
И хотя в любви, конечно,
Признавались и до нас,
Только нам uniquely трудно
Объясниться в первый раз.

Продолжаются зачеты,
Приближается весна,
Сто забот связало душу,
А теперь еще одна,
Ни учебников, ни формул
Для любви на свете нет,
Знать, на все вопросы надо
Нам самим найти ответ.

Фото А. Никитиной.

Десятки тысяч студентов нашей страны выехали летом на практику в колхозы, совхозы, на предприятия. Хорошо поработали студенты 4-го курса Московского лесотехнического института Валентина Петрова и Евгений Заманов в Воры-Богородском учебно-опытном лесничестве. Здесь они закрепили знания, полученные в стенах института, приобрели практические навыки.
Фото Г. Ворисова.

Прометарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Сентябрь. № 17. 1954 год.

Год
издания
31-й

— Итак, сегодня мы увидим, как из этого камня родится металл,— говорит преподаватель химии Николай Васильевич Швецов.

У СТАНКА И ЗА ПАРТОЙ

Александр РЕКЕМЧУК

Преподаватель химии Николай Васильевич Швецов поднял с земли кусок породы и подбросил его на ладони.

— Итак, мы сегодня убедимся в том, как из этого неказистого камня родятся металлы...

В соответствии с программой политехнизации обучения педагог проводит сегодня очередную экскурсию учащихся школой рабочей молодежи в цехи Ново-Липецкого металлургического завода.

Ученики внимательно слушают объяснения педагога, задают множество вопросов, хотя для них эта экскурсия — почти то же, что путешествие по собственному дому. Все участники экскурсии — рабочие Ново-Липецкого металлургического завода, все они учащиеся школы рабочей молодежи № 3.

В доменной печи экскурсанты поблагодарили в тот самый торжественный момент, когда удар гонга возвестит об окончании плавки. Ослепительная струя металла бежит по жлебу. Впрыскуются жиски. Наполняются расплавленным чугуном многотонные ковши...

— Заровно! — с восхищением замечает высокий худощавый юноша.

Это Николай Платников. Он работает газовщиком в этом же цехе, и хотя сотнями килограммов вылетает плавки, зная что сейчас взволновало его по-настоящему.

Три года назад, вернувшись из армии, Николай Платников пришел в доменный цех. Здесь обучился профессии, перенял навыки у старых рабочих.

— Значит, все ясно? — спросила Платникова главный инженер, принимавший экзамен по техникуму.

— Что ж тут непонятного? — пожал плечами юноша. — Непонятное дело...

Но когда Николай Платников поступил в школу рабочей молодежи и впервые раскрыл учебник химии, он вдруг понял, что новая профессия оказалась ему «не мудрым делом» только потому, что знала он ее лишь с внешней стороны. Книга стала для Платникова тем смотровым

глазком, через который горновые заглядывают в бушующую стихию доменной печи. С каждым уроком все меньше тайнственного и непонятного оставалось за этим глазком, но с каждым уроком все больше вопросов возникало в пытливого голове молодого доменщика...

Будущей весной Платников закончит десятый класс и тогда — дело решенное — поступит в заочный металлургический институт.

К педагогу и экскурсантам подходят доменщики работающей смены в спецодежде и широкополых шляпах, осыпанных

Газовщик Ново-Липецкого металлургического завода Николай Платников учится без отрыва от производства в 10-м классе школы рабочей молодежи в его имени Галина — заочника Финансового института. По вечерам они вместе готовятся и занимаются.

сверхкашей графитовой пылью. Многие из них завтра утром тоже придут в класс и потому спрашивают:

— А для нас будет экскурсия? Очень хочется на все это со стороны поглядеть...

Подходит старший-ориентир перекинуться словом: они с учителем знакомы давно.

***

В дни летнего отпуска Николаю Васильевичу не сидится дома. Он покидает свой небольшой вишневый сад, посаженный собственными руками, и отправляется за реку — в школу. Там полным ходом идет ремонт. Стены забрызганы краской, на полу густой слой известки, у дверей громоздятся ряды парт, поставленных друг на друга. Но в одной из комнат уже наведен полный порядок: здесь принимаются заявления от желающих продолжить свое образование без отрыва от производства.

Николай Васильевич раскрывает папку, в которой хранятся эти заявления. Поняв, что он может познакомиться со своими новыми учениками только по этим документам. Но как много могут рассказать и они!

Различными путями приходят ученики в вечернюю школу.

— Как-то, вернувшись с работы, Михаил Александрович Кастрьикин, ветеран Ново-Липецкого металлургического завода, заявил со своим сыном Ваней такой разговор:

— Экзамены сдаа, сынок?

— Сдаа. Перешел...

— Так. Тогда давай поговорим по-взрослому, по-мужски... Мы с матерью растим вас пятерых. Мать работать не может с маленькими хлопот на обсервации. Ты старший. Выходи, пора тебе семье помогать. А?

— На завод? — сверкнул глазами Ваня.

— Конечно, на завод. Только с одним условием: учение не бросать — хочу во времена тебя инженером видеть. Как, справишься?

— Справлюсь, отец...

И они обменялись крепким рукопожатием. Ваня Кастрьикин стал работать на заводе и учиться в школе рабочей молодежи.

Клавя Чеботникова — формовщица чугунолитейного цеха — пришла на завод, закончив семикласску. Бесой душой полюбила она заводскую специальность, в которой так хорошо пригодились ловкие и аккуратные женские руки. Здесь услышала она впервые раскаты, который среди липецких литейщиков передают из рода в род. Их прадеды изготовляли форму под первый

чугун и попросили царя Петра, основателя завода, присоединить дуть к формовочной земле... По сей день у входа в Алесинский парк красуется чугунная доска с отчетливым богатырской петровой десни.

Пробывав на заводе больше года, Кава уезжала. Хотелось снова взять в руки школьные учебники и тетради, выходить к доске, слушать учителя...

— Поступай в вечернюю школу, — советует она подруги.

Забывала много, порастеряла, усомнилась девушка. — А восьмой класс, говорят, трудный очень.

И, поразмыслив, она села за парту опять в седьмом классе. Кава Чоботникова закончила его в числе лучших учащихся. Теперь простор открыт!

...Обо всем этом вспоминает Николай Васильевич Швецов, вчитываясь в заглавие еще незнакомых ему учебников и друзей. Прямое сказание он поставил том, что преподает в школе рабочей молодежи, и с большим уважением относится к своим ученикам, называя их за глаза героями.

Тот, кто думает, что работать и учиться легко, пусть лучше не пробует, — говорит Швецов. — Нужно уметь подчинить свои мелкие личные интересы одной большой цели. Нужно быть человеком упорным и даже упрямым. Выйдя второй раз учащимся в вечерней школе приходится урвать часок-другой от сна, а это и отказаться от свидания с любимым человеком. Зато как прекрасна и благородна цель, которую он поставил перед собой: получить образование!

В школе рабочей молодежи юноши и девушки не только повышают свои знания — они здесь воспитываются и закаляют характер.

Была такая случай. В заводской комитет комсомола пришла паренек и торжественно протянул секретарю заявление: «Прошу направить на целинные и залежные земли».

— А ты знаешь, что на целинных землях нужны волевые, настоящие люди, которые не боятся трудностей? — спросила секретаря.

— Уверенности меня не испугает, — ответил паренек.

— Сомневался, — покачал головой секретарь комитета, доставая из стога список учащихся школы рабочей молодежи. — Нука, посмотрим в какой графке числится комсомолец Александр Беляев. Так и есть: «отсутв». Отсутвал, значит?

— Было дело, — сокрушено вздохнул паренек. — Так ведь я целину поднимаю прошу, а не в школу! Другой мой на целину уехал, Николай Аляин.

— Аляин — другое дело. Комсомольская организация завода может доверить высокую честь осваивать новые земли только тому, кто может похвастаться не поведует, не сплуснет... Вот Аляин недавно прислал письмо: он и на целинных землях продолжает учиться в школе рабочей молодежи. Волевой человек!

Паренек ушел огорченный, но, кажется, задумался.

Воспитывать характер — нелегкое дело, но в школе рабочей молодежи тебе на помощь придут друзья.

...

Николай Васильевич вошел в 9-й «Б», поздоровался с учениками, сел к столу.

— Все на месте?

— Все, — ответил уже несколько не очень уверенных голосов.

— Ну, спрашиваю старосту, Николая Платонкина.

Высокая фигура газонщика поднялась за парту.

Архипова опять нет, Николай Васильевич...

— Так, — читая заглавие в классный журнал — против фамилии Владимира Архипова, сценница из транспортного цеха, уже вторую неделю подряд стоит славные прочерки «не был».

— Ряд, что случилось с Владимиром? — спросил Николай Васильевич его сестру,

Геометрия — любимый предмет сценницы Володи Архипова. Свои знания он охотно передает товарищам. Вот и сейчас он помогает одноклассникам решить геометрическую задачу.

которая учится в этом же классе. — Он болен?

— Не знаю. На работу ходит, а как в школу — аяжет и лежит... Спрашиваю — ничего не отвечает.

— Хорошо. Приступай к уроку...

Швецов слушал ответы, писал на доске формулы, а все не покидал тревожащие мысли: «Что с Архиповым? Такой способный юноша, первый в классе математик — и вдруг перестал посещать школу...»

После уроков Николай Васильевич долго совещался с комсомольцами. На следующий день староста класса Николай Платонкин прямо из цеха отправился на железнодорожные пути, густо разветвившиеся по территории Ново-Алесинского завода. Вот между вагонами метнулся знакомый коренастая фигура, маленькая курчавая голова. Архипов заметил Николая и тотчас же с деловым видом пошел под вагон.

— Воле-воля! Сценщик нехотя вылез из-под вагона, показав испланные ноги (десять, придется обойтись без рукопожатий), спросил:

— Чего тебе?

— Соучился давно не виделся. Почему в школу не ходишь?

— Из-за отсутствия способностей, умом не вышло...

Архипов — первый на заводе балагур. Он и тут решил отшутиться. Но Николай почувствовал в этой шутке горечь. «Видно, парень и сам переживает».

— А во-стаки?

— С русским у меня неладит. Чем двойки хвалятся за сочинения, лучше не сравнивать... На одной математике не выедем.

— Это верно... А у меня наоборот: тригонометрия хромает, косинусом...

— Ну, это пустяки! — оживился Владимир. — Один ряд хорошо разобрать, дальше пойдет как по маслу.

— Вот и помог бы разобрать: была бы от тебя хоть какая-нибудь польза. Приходи вечером...

Володя Архипов знал, что Платонкин женат, имеет дочь, и, между прочим, недоумевал, как женатый человек может сидеть за школьной партией. Каково же было его удивление, когда на новой квартире, которую недавно получила молодой газонщик, он заста за учебниками не только Николая, но и его жену Галину.

— Вы тоже учитесь? — спросил Володя.

— Буду учиться. Готовался в Финансовый институт. На заочное отделение.

— Ничего себе семейное счастье над заданником! — посочувствовал сценщик. — Да еще дочка под ногами вертится... И не трудно?

— Трудно, Володя, — улыбнулся Галина.

— Особенно с тригонометрией, — уточнил Николай.

На следующий день в классном журнале против фамилии Владимира Архипова появилось крестик — «присутствует». Во внеурочные часы товарищи помогали ему преодолеть отставание в грамматике. Но только сестра Федя знала, сколько долгих часов промчал ее братец над страницами учебника.

Вушудей весной Володя Архипов будет писать сочинение на аттестат зрелости. Вместе с Николаем Васильевичем Швецовым мы перематываем страницы сочинений учащихся школы рабочей молодежи № 3.

Многие сочинения посвящены пушкинским героическим образам. С трогательной симпатией пишут они об Онегине, о Печорине — о талантливых, страстных человеческих натурах, которые в современном им обществе были извращены на положение «лишних людей». Быть «лишним» человеком, не иметь места в жизни — как страшно это звучит...

«В нашей стране нет людей, не имеющих места в жизни», — делает вывод в своем сочинении Михаил Корнев. — Каждый из нас видит идею своей жизни в строительстве коммунизма, в стремлении к лучшему будущему, в борьбе за мир».

За этими словами характерное для нашей советской молодежи чувство досюности и уверенности. Так может писать человек, который крепко стоит на ногах и видит перед собой его дорог, одну дорогу желаний.

Знания обладают одним замечательным свойством, — говорит Николай Васильевич, — они не прессыются. Они становятся постоянной потребностью, насущной, как хлеб...

На выпускном вечере десятого класса школы рабочей молодежи было много воспоминаний, но еще больше планов. Сестра Иван Жариков решил учиться заочно в Машиностроительном институте, полтехник Владимир Родионов — в Институте иностранных языков, токарь Николай Томачев — в Политехническом, токарь Александра Зарникова и аппаратчица Любовь Саманина заинтересовались радиолокацией.

Через несколько лет их назовут инженерами, агрономами, врачами, и, кто знает, быть может, многие из них вернутся в эту школу учителями, как вернулся сюда преподаватель математики бывший герой доменного цеха Василий Павкин.

Да, пожалуй, у Николая Васильевича Швецова есть все основания гордиться своей школой и своими учениками!

г. Липецк.

А. ЖУХОВИЧИЙ

ЛОНГИНА

Рассказ

I

Отец nikdy руду где-то в Саянах, мать уехала в Сочи на бархатный сезон, и вышло так, что девушку со странным именем Лонгина тревожило известие заставало врассялок.

— Дядя Кузя сняли с работы? — переспросила она в телефонную трубку.

В ответ донеслись всхлипывания.

— Тетя Аня, а как же... — начала Лонгина и недоговорила. Спросить в такую минуту о себе было бы слишком неудобно, и она не спросила — она пробормотала какие-то утешения, бросила трубку, прижала руки к груди, и руки вздрагивали, как ей казалось, от ударов сердца. Но ее лицо с полуоткрытым ртом, тонкие бальные пальцы, испуганно сжавшая фигура — все ее существо спрашивало: «А как же ты?»

Лонгина, или, как ее называли дома, Аня, в этом году окончила педагогический институт, получила назначение на работу и поступила в распоряжение дяди Кузи. А теперь ее судьбу должен был решить какой-то отдел народного образования, не то Зеленогорский, не то Зеленоградский — она не помнила точно.

Первые мысли Ани были несерьезны: почему-то вспоминались, как на первое число она приглашена в театр — уже есть билеты, — что четвертого у Аняшки день рождения и не пойти туда никак нельзя. Но постепенно до нее дошла весь смысл случившегося: тогда она бросилась на кухню, уткнула лицо в подушечку с кукляской вышивкой и заплакала.

В детстве, когда что-нибудь не удавалось, хотя бы задача по арифметике, она прыгала как лоджия и плавала, и встала рядом, находилась крошечнуд, готовый восполнить ее и сделать за нее самое трудное. Но сейчас вокруг никого не было. Даже работающая болеала — на кухонном

столике под газетой стояла горка грязной посуды.

Нужно было не плакать, а что-то предпринять. И Аня начала действовать. Она дала телеграмму маме и пошла к родственникам, а затем к Кузовым — маминим знакомым, близким, как родные. И те и другие упряжили Аню за то, что весной она так необходимо приняла назначение (как будто она могла знать), очень толково объяснили, что должен был сделать дядя Кузя до того, как его сняли с работы, и советовали: похлопотать в министерстве, или достать какую-нибудь врачебную справку, или во избежание неприятностей похлопать на место и там уже найти приличный предлог, и во всяком случае, не доводить дело до исключения из комсомола. Петр Евсеевич Кузов, на которого она надеялась больше всего, смущенно достал билет в купированном вагоне.

Желания похлопотать за нее никто не выразил. Сама она бегать по инстанциям тоже не стала: она не умела просить незнакомых людей.

На всякий случай она зашла еще к папиному другу — доброму пожилому моряку. Не разговор, что к чему, моряк задумчиво проговорил:

— Зеленогорск... Был, хорошее место. Сады там богатейшие. Ну, что ж, ей-ей.

Он вздохнул и, помолчав, предложил:

— А то просись, дочка, к нам, на Сахалин. Уж там-то и тебя устроит! А женки и на Сахалине есть.

Аня вернулась домой поздно вечером. Она уже почти отчаялась и только с детской надеждой ждала ответа от мамы. Тогда с кровати и прочла: «Успокоился. Обратись к Кузову».

У нее опустились руки. Она больше никогда не ходила, никому не звонила и

полдня просидела в уютном креслице у окна. У нее слегка кружились голова, битье может, от голода: второй день она ничего не готовила и жила одними конфетами. Впрочем, есть не хотелось...

— Им все равно... повторала она про себя, — им все равно... Хорошо, я уеду. Я уеду!

Ее выводило из себя их равнодушие к ее судьбе, и хотелось думать, что от этого им будет хуже, что они еще пожелают, и представлялось, как она вышла из смертельно забавной и аскетичной в коммунальной избе, без врача и аскариет, как знакомых мучают угрозыния совести, а мама на самолете вылетает из Сочи, рыдая, бежит к ней и умоляет дочь простить ее. Но потом она вспоминала, что мать ни за что не войдет в самолет, а поедет поездом, и обязательно в мягком вагоне, что рыдать она тоже не станет, а просто вызовет врача или профессора и, в крайнем случае, намет сидку. И от этого еще усилилась обыда на мать, на эту полную женщину, думающую только о себе, никогда не работающую и слишком хорошо сохранившуюся для своих лет.

Позвонила Петр Евсеевич и виноватым голосом стал объяснять, что если ехать, то лучше завтра.

Аня сказала:

— Хорошо.

Он сообщил, что билет для нее оставят в кассе.

Аня сказала:

— Спасибо.

Петр Евсеевич несколько раз проговорил: «Вот так!» — и заинтересовался ее настроением.

Она ответила:

— Ничего.

Наконец он повесил трубку: тогда она достала чемодан и начала укладывать вещи. Перебирая вещи, Аня говорила себе, что там ей не понадобятся ни акварель туфами, ни юбка с разрезом, ни безжелезные блузочки, а только вагник и сапоги. Но все-таки положила в чемодан и туфами, и юбку, и блузочку, и вообще вещей набрало столько, что пришлось взять еще исландский чемодачик и особую сумочку для продуктов.

Словно не забыла, Аня еще раз оглядела комнату — не была ли чего. Ездила скользя по пивному, на котором никто в семье не курила, по трубочке красного дерева — по многочисленным фотографичным матери и оставались на небольшой карточке отца, вышившей над дверью, под самым потолком, как раз на том месте, где была дырка в обоях. Аня добралась к двери и долго гадала в его подходе, немного смущенные глаза. Такие глаза бывали у отца, когда он раз или два в год приезжал домой из отпуска с Севера, или с Аляски, или с Камчатки. Она вспоминала, как ходила с отцом по городу, как он радовалась, покупая ей туфами, или перчатки, или пижамки, и как мама пожимала плечиками к расточительству.

Уже много лет подряд отец носил один и тот же костюм и потерял меховую куртку, а мать расквашивала знакомым, какой он оригинал, как он терпеть не может новых вещей, и шила себе третье шубу.

Еще Аня вспоминала, что сама она думала об отце только тогда, когда приходил от него переселенец, что писала ему раз в месяц, а раз и в два. И от любви и жалости к отцу, от того, что он ее так любил, она снова заплакала, на этот раз почти бескорыстными слезами.

II

На вокзале Аня провозжала только одна подрутка, собственно говоря, даже не подрутка, а знакомая. Конечно, Аня провозжала бы и такую подрутку вместе с мамой. Аня была, а Грету именно на этот вечер знакомый «мальчик» пригласил в ресторан. Пришлось позвонить Зое.

До начала оставалось минут пятнадцать. Вдоль вагонов, стаяквиваясь и ме-

шая друг другу, бежали отъезжающие, провожающие, носальщики и мороженщицы какой-то старик в форме инженерпутьейца громко сердился:

— Построил! Районисты негде, не перор, а наест... Уши бы им надрать за такой перрон!

— Ну вот, Зоянька, я и еду,— сказала Алина. Она стояла спиной к входу, низко опустив голову и сузив руки в кармачкины пальты. Перед ее глазами, сменяя друг друга и повторяясь, проходили события ее жизни, лица, разговоры, как будто прокручивались давно знакомая кинолента. Но то, что раньше было обычным и даже немного надоевшим, теперь казалось дорогим и почти необходимыми: и уютная комната с мягким ковром, и вечеринка всегда в одной и той же компании с одними и теми же «мальчишками», пускай не очень умными, но зато веселыми, компанейскими; и лучшая подружка Аляшка, которая одна только могла понять, почему Алина вот уже два года принимает ухаживания Виктора, а целуется с почти незнакомым Вадимом.

Теперь она жалела, что так легко сказала «да», если бы она еще похозяйствовала, где надо, ее, наверное, оставили бы в Москве. Но было поздно: проводник уже забрал билет, и вещи лежали на багажной полке.

— Ну, вот я и еду,— снова сказала она.

— Аника, перестань,— с досадой попросила подружка,— можно подумать, не работать едешь, а блог застает что... Другое радуется, а ты...

— Да, конечно! — горестно усмехнулась Алина.— Сельская учительница! Не успеешь оглянуться — и депутат, и орден, и школа в пять этажей... Не надо, не сердись — одна помешанная дрожжану Аляшка на меня подругу и сама пошла что-то сорвать. Но ты помни, тебе двадцать, а мне двадцать два — через три года уже старуха. Состариться в глуши, в деревне, одной...

— Странная ты, Аника,— пожалка пачками Зоя,— уж если так не хочешь ехать, могла бы и здесь устроиться.

— Зачем? Чобы меня на всех собраниях «перезачисляли»?

— Помогали, Алина подняла голову.

— Ни одной звезды. Опять завтра дождь... А вообще могла бы,— сказала она вдруг,— вышла бы замуж и осталась.

— За кого замуж? — вскинула брови Зоя.

— Ты его не знаешь. Один знакомый. У него квартира в центре, машина... Алина сделала паузу.— Но до этого я еще не дошла...

— Снова помогали.

— А знаешь, Аника, ты зря хандрить,— задумчиво проговорила Зоя.— Ну, осталась бы ты в Москве, что бы ты делала? Секретаршей стала — «лодай перо, илай чернила» — ты меня не удивляешь?

— Да, да... Нет, и сдуваю,— ответила Алина, глядя куда-то мимо.— Ты права. Наверное, ты права. Только мне сейчас трудно это понять. Но все равно, Зоянька, спасибо. Спасибо, что пришла проводить.

Она пошла в комнату в цыбуки, и в губы у нее дрожжал Зоя посмотрела в ее глаза, красивые от слез. Ей стало жалко Лину и в то же время немного смешно.

— Аника! Она схватила подружку за плечи.— Аника, ну, что ты! Ну, ведь это же все чулуда, что ты думаешь!

— Да, да... Не надо, не тряси меня.— Алина посмотрела на часы.— Ну, прощай.

Свисток паровоза заглушила ее слова. Алик, стоявшие на перроне и в тамбурах, разом закричали, замаскажи руками: какой-то человек, оттолкнув Зою, схватился за поручни; а вояд уже катился мимо, увозя красивую заглавную девушку с чемоданом, чемоданчиком и ослепительной сумочкой для продуктов.

тра, все равно грязь не просохнет и за неделю. За стеной гудела самовар. Хозяйка угосила чаем прискакивая из деревни куму, а в рассказывала о том, как колесный трактор завяз три дня назад у них на картошке.

Алина заметала, что уже давно водит карманом по алету, не читая. Тогда она подошла к окну, отодвинула штору и посмотрела на улицу. Но на улице все так же душно шел дождь, мелкий, вялый, до того тоскавивый, что хотелось бросить все и бежать куда-нибудь на юг, где солнце, теплое море и загорелые тела на желтом песке.

Алина вернулась к тетради, и опять перед глазами потянулись надоевшие строчки диктанта. Проверять тетради она не любила. Одна мысль, что этим придется заниматься не день, не месяц, а годы, может быть, всю жизнь, приводила ее в ужас. Она никогда не собиралась стать учительницей и пошла в педагогический только потому, что в университет было слишком большой конкурс; к тому же мама говорила, что для девушки впоное достаточно общего образования.

Алина разложила все тетради на столе и попробовала проверить по-новому — по одному предложению в каждой. Но так проверить было еще труднее. Она стала нервничать, торопиться, смахнула рукавом ручку, обрызгав чернилами одну из тетрадей, и с досадой поставила тройку за грязь. Потом испугалась: вдруг мальчишка пожалуется? Но, взглянув на обложку, успокоилась: это была школьная ученика, ему все равно никто не поверит.

Хозяйка принесла угли. Алина села яничку, выпила стакан молока, а когда хозяйка ушла, достала из чемоданчика пакеты шоколада. Поужинав, она легла на кровать, закрыла газы и так размечталась о Москве, что сразу после этого встала за тетради было просто невозможно. Тогда она села писать письмо подружке.

«Дорогая Алячка,— писала она,— тебя интересует, как я тут живу? Ну, что написать тебе? Как видишь, живу — не умираю. Устроилась сносно, сняла комнату в двух минутах от школы. Хозяйка — простая женщина, но относится ко мне хорошо, то-то-ни, убирает и даже моет ботинки — это просто спасение, так как дожди идут уже вторую неделю.

Дни мои схожи один на другой. Полдня убывает школа. Директор хотел вызвать на меня еще какой-то кружок, с трудом отвертелась.

Домой прихожу часа в два. Свободного времени, как видишь, остается много. Но что толку? Ийти все равно некуда. Даже на танцы в здании Дома культуры не была ни разу: не с кем... С учителями почти не знакомы. Сашком разные мы люди. Они живут тут с детства, ко всему привыкли. Сами ничтут детей, сами ходят на рынок, сами топят печь. Судя теперь, много ли у меня с ними общения...

В воскресенье десятиклассники ездили в колхоз на уборку картошки и с ними одна молодая учительница — Ленинградка, дочь профессора. Ты знаешь, другие меня не удивляют, но она, Ленинградка, дочь профессора, нарядилась в мужские сапоги и ватник, как деревенская баба...

Когда я подумю, что могу стать похожей на них, меня просто тошнит берет.

Без конца вспоминаю Москву и все ее. Вчера провела полдня: перебирала вещи и наткнулась на безжужо крепдешиную блузку — поминишь, в складку! С тех пор, как и здесь, и ее ни разу не надева.

Вот так и проходит моя жизнь. Ну, ладно, хватит об этом...

Для два назидательная письмо от Алексея Фадеевича. Поминишь, который последний декаль мне предложил? Он пишет, что его он обидел мой отказ и что если я когда-нибудь стану его женой, он будет считать исполнить все мои желания. Вестики он очень благодарный человек! И, знаешь, никто мне не кажется, что может быть, именно он способен дать мне максимум счастья, по крайней мере в материальном отношении.

Алячка, ради бога, не подумай, что я готова выйти замуж за любого человека века только ради того, чтобы вернуться в Москву. Уверю тебя, что из-за трех лет я не стала бы и думать об этом, да и выйдешь отсюда в конце концов не так уж трудно, тем более, что наш старик-директор вряд ли стал бы меня особенно удерживать. Нет, дело не в этом. Просто за один месяц я стала намного старше. Я уже не прежняя беспомощная девочка и понимаю, что одно дело — и пятнадцать лет мечтать о принах, а другое — реальная жизнь. Ты подумай, если бы я даже вернулась сейчас в Москву, что меня ждет? Снова просить у мамы итерку на кино и считать праздником, когда кто-нибудь пригласит в ресторан? Или работать секретаршей на пятъсот рублей и ждать, пока счастье само придет? Но сколько жалеть, да и дождьши она вообще? Нет, Алячка, человек живет только один раз, и если он

III

Весь день шел дождь. Алина сидела у стола, проверяла тетради учеников и думала, что если даже он перестанет зав-

сам о себе не позаботится, о нем никто не позаботится. А принцы бывают только в книгах... Ты, конечно, спросишь: «А как же Витя?» Я сама об этом много думала. Все-таки он мне нравился больше всех ребят, и я к нему очень привыкла. А когда теперь я вспоминаю, как он часами стоял в очереди под дождем, чтобы на последние деньги купить мне билеты в Большой, как он, при всей его идилличности, старался ради меня остаться в Москве, и чувствую к нему почти любовь. Даже его нотации и попытки перевоспитать меня приятно вспомнить.

Недавно и опять получила от него письмо. Вспоминаю, конечно, драматично, а потом пишешь: «Вани дожди и грязь чувствую почти физически. Как бы мне хотелось быть рядом с тобой, чтобы носить тебя на руках до дома в школу и из школы домой! А в конце намекает, что раз уж я все равно живу не в Москве, то не лучше ли нам быть вместе в Ярославле — недавно ему повисала окладка. Как это мило и как по-детски...»

Ну, до свидания, Лилечка, надеюсь, до скорого!

Письма моего никому не показывала, даже Гретке, ведь я еще ничего не решила, пока это все один разговор...»

Спрятав письмо в сумочку, Алина снова легла на кровать и стала думать. Но, как обычно, от мыслей она скоро перешла к мечтам, а в мечтах все выходило гораздо лучше и красивее, чем в жизни. Она так и заснула, не раздевшись, не потушив свет, только прикрыла глаза рукой.

Минут через двадцать к ней в комнату заглянула хозяйка с кумой.

— Умывалась, — шепотом проговорила хозяйка, — как дитё, спи.

— Как дитё, — согласилась кума.

— Катя-то ваша на учительницу обучается? — спросила хозяйка.

— На учительшу.

Старухи помолчали.

— Не простала бы, спи-то открыта, — сказала кума.

Хозяйка принесла пуховую шаль и осторожно укутала Алину.

Та заворочалась, что-то зашпачкала, и во сне-то с робкими востонами покачала головой хозяйка, все об них и думает.

Старухи с минуту постояли, глядя на спящую Алину, повздыхали и пошлам допивать чай.

А ей снится, как она шныряет в ажио директору вызов из Москвы, как сидит в мягком вагоне и выходит замуж за замминистра, похуже и на Виктора и на Вадима сразу.

А утром, проснувшись, Алина снова услышала все тот же однообразный шум дождя и, выглянув в окно, увидела все те же мелко вздрагивающие листва. Она позавтракала, несколько минут сидела за столом в раздумьи, а потом решительно достала из сумочки письмо и быстро приписала обложку: «Р. С. Алина! Мне нужно срочно зыряться в Москву. Немедленно телеграфируй, что у меня заболела мать, умирает тетка — ну, в общем что-нибудь такое, чтобы меня отпустили на неделю. Поняла? Ну, до скорого!»

Она подчеркивала слово «скорого» и вложила письмо в конверт.

А Линочка, вы будете ваянски покупать нам чай? — спросила, поправляя в дверях, хозяйка. — Зима-то у нас зашла!

Алина подняла глаза.

— Валентик! Спасибо, тетя Даша, не надо.

IV

...Поезда прибывает в столицу нашей Родины — Москву.

Из репродукторов доносится «Встречный марш».

— Перед Москвой всегда «Встречный» играют, — сказала матрос-отпускник и обернулся к Алине. — Сейчас я правую вышитою заднице будет — тридцать два златка...

— Я знаю, — сказала Алина.

— Хорошо в поездке ехать, — продолжал матрос, — не трясет, не качает. А все ж корабль лучше...

Он начал что-то рассказывать с море. Алина слушала его так же, как слушает стук колаес.

— Поговорите! — матрос подхватила чеподан Алины.

Они вышли на перрон. Алина еще раз оглянулась и вздрогнула, увидев знакомую серую фуражку. Виктор? Нет, Виктор шире в плечах. И потом он в Ярославле. Но она все-таки подошла поближе. Незнакомый парень, видимо, кого-то встречала. Вот в тамбуре показалась белокурая девушка и прямо с подножки бросилась к нему на шею. Парень нагнулся и осторожно поцеловал ее в носик — так целовала Виктор...

— Вам куда? — спросил матрос.

— В камеру хранения, — ответила Алина таким тоном, как отвечает носильщику. Не сказав больше ни слова, матрос пошел за ней. Идти было трудно: все вокруг обнималось, целовались и совсем не забыли о том, чтобы дить ей дорогу.

— Разрешите! — то и дело повторяла Алина. Она почти бежала по перрону. Ей было неприятно, даже стыдно: всех кто-то ждал, встречала, а ее никто. Она чувствовала себя, как на одной вечеринке в десятом классе, когда все подруги приехали в лодочках на высоких каблуках, а она — в обычных босиконках.

«Хорошо, хоть не дала телеграмму маме или Аняшке, — думала она. — Целоваться во вокзал с матерью или подругой, как старая дева! Лучше уж вообще ни с кем...»

— В камере хранения матрос поставила чеподан на пол и спокойно спросил:

— Все?

— Нет, — ответил он, не выходя таким простова-

тым и неважким, как раньше. Немного смутившись, Алина стала благодарить, но он сказал: «Не стоит благодарности» — и, вежливо кивнув, ушел.

Алина спустилась в метро. Не произошло ничего особенного, и все-таки настроение было испорчено. А тут еще вспомнились машины слова: «Делай как хочешь, ты уже взрослая человек, но я считаю, что Алексей Федорович — это вполне приличный вариант».

В конце концов она решила идти к Алексею Федоровичу, не заходя к маме, и со злорадством думала, как, придя домой, расскажет все новости, а потом небрежно, как о деле давно решенном, сообщит, что выходит замуж, и как мама будет испугана и шокирована: «Алина! Не поспеете-вашинск с матерью...», — а она ответит: «Самимко мало времени. Не могла же я разорваться на части! Мне ведь приходится самой думать о себе...»

Алина почти уснула, когда, поднимаясь в лифте на пятый этаж своего дома, представила себе маминю лицо, даже развеселилась.

Но перед самой дверью она вдруг заколебалась: почему-то вспомнился парень в серой кофте, которого она приняла за Виктора, и Виктор.

Несколько минут она в нерешительности постояла на площадке, но потом успокоилась себя тем, что Виктор пока все равно в Ярославле, а дальше... Дальше будет видно.

Дверь открыла худенькая старуха с простым лицом и добрыми глазами.

— Алексей Федорович у себя? — спросила Алина.

— Ашенькин нету дома. — Голос у ста-

рушки была тихий и аскетский. — Да вы придите, он скоро...

Лина вошла в квартиру. Она однажды была здесь, но маленько, и прежде по-верхностно впечатлелен ее теперь не удивляло.

Она прошла в столовую — светлую комнату, крашеную под дуб. В ней стола большой прямоугольный стол, покрытый белой скатертью, буфет, несколько стульев. Окружающее было чуждым, незнакомым. В модный кожаный диван — также — она не задала ожидания. Над диваном висели фотографии родственников: скромно поджав губы, глядела из галдящих рамок сморщенная бабушка, в брадатым виде. Алексей Федорович был из протестной семьи.

Оглядывая комнату, Лина уже видела здесь круглый полированный стол, у стены сервиз, вместо настенных деловских фотографий картину, лучше всего нарисованную в детстве. Впрочем, можно и фотографии, но, разумеется, ее, сделанные со вкусом, в разных костюмах и позах. Ей пришла в голову, что в ней дома все стены тоже увешаны миниатюрными фотографичками, но она показала лачемки и подумала вслух:

— Ну и что же? Просто это красиво... Потом она осматрела «зао» — просторную, полуоткрытую комнату, как будто специально созданную для гофиной.

В конце коридора была еще одна дверь. Лина приоткрыла ее, там оказалась кабинет. И хотя старуха туда ее не приглашала, она все-таки вошла, — до прихожки Алексея Федоровича ее хотелось осмотреть всю квартиру. В кабинете стояла широкая кровать, конечно, никогда не годная, довольно приличный письменный стол и два книжных шкафа. На столе Лина заметила его фотографии. Сразу стало неприятно.

«Всегда он было интересен как женщина», — подумала она, — однако показываясь на людях с ним не стыдно: известный инженер, орден. И потом он меня так любил...»

Стави фотографии на место, она обратила внимание на настольную лампу, почти скрытую за грудой книг. Отодвинув книги, Лина рассмотрела ее: голая бронзовая женщина, томо изогнувшись, прижималась к лампочке, словно утешаясь, криволапым патроном. Лина улыбнулась: вокруг бедер женщины была аккуратно повязан серый лоскуток. На подставке было крупными буквами написано: «На память». «Кто-то подшутил», — подумала Лина. Но она была довольна. Лампу можно поставить в гостиной, — помимо всего прочего, боковой свет вообще приятнее.

А здесь будет спальный... Шнафс и стома можно оставить: когда у нее будут собираться, ему, возможно, захочется поробовать. Можно даже дверь обить войлоком и кожей, чтобы ему не мешала музыка.

Ах, еще мне мать... Интересно, где старуха спит: на кухне или на диване в столовой? Она, кажется, из деревни, наверное, захочет уехать к себе... А впрочем, пускай останется, тогда не надо будет брать квартиру. Только мать будет в кухне — ведь диван они уберут...

Словом, было ясно, что из квартиры можно сделать куколку. И все-таки Лина чувствовала какое-то беспокойство. То и дело она вспоминала Виктора, Евгения, других знакомых ребят, вспоминала их на вечеринках, в спортзале, на пляжах. Некоторые из них ей очень нравились, хотя бы Виктор. И если она не позволяла им ничего лишнего, то только потому, что не хотела портить себе жизнь. А теперь? Отказывая от всего этого навсегда? Лина еще раз повторила про себя страшное слово «навсегда» и впервые отчетливо и тревожно подумала:

«В конце концов любить я буду кого захочу...»

V

Прошел год. Лина, полюбившая и, как находим знакомые, покорошевшая, была у Аляшки. Подруги сидели на диванчике, таком маленьком, что забраться на него вдвоем с ногами было почти невозможно, играли карты и курили. Лина начала курить в первую неделю замужества. Аляшка — еще раньше, когда потеряла надежду в ближайшее время выйти замуж.

«Вспомнила первого», — сказала Лина, — он заставляет себя ждать... А в каком томе идея разговор?

И Аляшка в третий раз принялась рассказывать, как совершенно случайно встретила на улице Виктора и пригласила к себе.

— Понимаешь, я ему говорю: «Лина относится к тебе не хуже, чем прежде». Он посмотрел в сторону: «Ведь она замужем? Ну, а я ему говорю: «Это еще ничего не значит. Мне ты, например, гораздо больше нравишься, чем ее муж. Приходи, — может, и ей понравится больше!» А потом я ему показала твою карточку — ту, где ты с черной куркой и голыми лачемками...»

— Ничего. Сказал, что пострадает зайти перед отъездом — поедет у него в два.

— На память карточку не попросила? Аляшка пахорочила лоб: — Нет...

В двадцать минут второго Лина поднялась.

Положи до половины, — сказала Аляшка, — может, забереет перед отъездом? — Хм, «забереет!» Сделает одолжение! Нет, я пойду. Если придет, скажи: закодила в двенадцать, ждала пять минут.

У двери Лина немного замаялась: «Еще минутку, пусть пришлет мне... на твой адрес. Ну, я пошла!»

Она медленно сошла вниз. Сердце на себя, постояла в подъезде, потом взглянула на часы и решительно вышла на улицу. Через минуту она уже сидела в такси, скользящего шофера.

— На Ярославский вокзал! Машина свернула на Садовое кольцо. Рассеянно глядя в окно, Лина соображала, что говорить с ним будет совершенно равнодушно. Или нет... Это покажется несчастным. Лучше просто спокойно, даже весело, как со старым знакомым, — потворщишься, но не больше. Скажет, что ставилась в личной жизни, и пожелает ему того же. А если он не пришел, потому что и спасая сашком сурового приема, тогда она, может быть, даже его поцелует. Там будет видно.

Нужную платформу найти было нетрудно: в два часа отправлялся только один поезд. Она пошла по туннелю, приветствуясь с встречным мужчинам, заглядывая в окна купе, — может, он уже там. Вскоре она увидела Виктора. Он стоял к ней спиной, без пальто и без шапки, но она сразу узнала его. Она бросалась к нему, протянула руки, но тут паровоз свистнул, Виктор нагнулся, и обняла стоявшую перед ним девушку. Лина замерла на месте. Из-за его плеча она увидела в только волнующие черные волосы и важные, затуманившиеся счастливые глаза.

Она сделала шаг назад, потом еще один, потом спрыгнула за чью-то спину и почти побежала прочь, не глядя по сторонам, наткнувшись на людей. Лина не заметила, как очутилась посреди улицы. Скрип тормозов привлек ее в себя. Она вздрогнула: машина останавливалась в полуметре от нее. Из вагонки, отчаянно ругаясь, выскочил шофер.

— Куда ж ты глаза-то плашешь?... Дешево под колеса, а мне в тюрьму!

Прерывисто дыша от пережитого испуга, Лина неторопливо сказала:

— Замолчите сейчас же, а то я милиционеру позвоню. Хам!

ТАМ, ГДЕ УЧИЛСЯ ОЛЕГ КОШЕВОЙ

В школах начался новый учебный год. Приступили к занятиям и ученики средней школы № 1 города Канева.

Эта школа, носившая имя Тараса Григорьевича Шевченко, примечательна тем, что в ней в 1938/40 учебном году учился Олег Кошевой — прославленный герой, руководитель подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», действовавшей в городе Криворожье по линии освобождения его немецко-фашистскими захватчиками.

Класс, где учился Олег Кошевой, находится на первом этаже, в конце длинного коридора. Право заниматься в этой комнате получает лучший класс школы — тот, в котором нет неуспевающих. Высокая честь сидеть за партой Олега удостоены отличники учебы.

Любовно украсили школьники этот класс. На стене портрет Олега Кошевого, нарисованный одним

из учеников. Рядом понаписаны «Молодой гвардии», копия письма в Президиум Верховного Совета СССР матери Олега Е. Н. Кошевой, в котором сообщается о присвоении ее сыну звания Героя Советского Союза, фотомонтаж «Верный шаг коммунистического комсомола».

В школе всем известно все, что связано с именем Олега Кошевого. Есть здесь редкая фотография Олега, рукописный журнал «История», в котором помещены воспоминания знавших его товарищей Олега Кошевого. На страницах этого журнала соученица Олега, Гаяля Плескашова, рассказывает, что Олег мечтал стать писателем, был редактором классной стенной газеты, во многих номерах которой помещались его стихи.

Ежегодно 13 сентября, в день опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении посмертно Организатором и руководителем «Молодой гвардии»

звания Героя Советского Союза, в школе проводится торжественный сбор пионерской дружины.

Комсомольская организация школы и пионерская дружина, носившая имя Олега Кошевого, во всем следуют традициям молодогвардейцев. Борьба за хорошую учебу и отличную дисциплину — вот что сейчас в центре внимания комсомольцев и пионеров школы.

Внешней задачей школы послужили на улицах города и в парке у памятника писателю Аркадию Гайдару сажать деревья и кустарники. Летом выезжали на поля колхоза имени В. И. Ленина, помогали колхозникам на сенокосе.

В город Канева, а школы, где учился Олег Кошевой, часто приезжают экскурсанты. Они знакомятся с драгоценными реликвиями, связанными с жизнью героя.

В школе имеется книга отзывов. Особенно много в этой книге записей, оставленных пионерками.

«Когда мы вошли в этот маленький класс, где учился любимый герой советской молодежи Олег Кошевой, так сразу почувствовали гордость за нашу советскую Родину, которая воспитала молодцев в духе патриотизма... пишу учеником чернаской семилетней школы № 10».

Юные ленинцы из города Бала Цернов, обращаясь к своим старшим товарищам-молодогвардейцам, пишут:

К солнцу будет тянуться Зеленая нора листа. Мы будем учиться Быть такими же. Мы, пионеры, готовы На призыв боевой Истать, как Люба Шевцова И Олег Кошевой.

Искренность этих строк волнует всех, кто читает записки в книге отзывов.

О. КУДЕНКО

Бригадир рижского завода «ВЭФ» Раиса Сиринбани и монтажница Рита Центарс за сборкой радиоприемника «Мир».

Фото Л. Михновского.

РОДНОЙ ЗАВОД

Никогда не забудет Раиса Сиринбани тот теплый июльский вечер 1950 года, когда выпускница Истринской средней школы, Зиняупского района, Латвийской ССР, в последний раз собралась в родной школе. Было шумно. Много танцевали, пели, смеялись. Но было немножко и грустно: встретится ли еще где-нибудь такой дружной коллектив?

«В середине августа Раиса уехала в Ригу, где жила ее старший брат, Александр, с женой и двумя детьми. Она работала на заводе «ВЭФ».

— Ну, что ты решила делать? — спросил Александр сестру. — Будешь поступать в институт?

— Нет, — ответила Раиса. — Пойду на работу. Маме надо теперь дать отдохнуть. Она у нас уже старенькая... Вот только не знаю, куда поступить. Специальности у меня никакой нет...

— Иди к нам на заводе, — посоветовал Александр. — Там сумеешь получить специальность.

Осенью Раиса пришла на «ВЭФ». Впервые в жизни она увидела большую заводскую цех.

Станки, железные стружки, шум — все, с чем столкнулась девушка в первый день, вызвало у нее чувство неприятия. «Уйду, — была первая мысль. — Здесь и молодежи почти нет, подружиться не с кем».

Однако теплое, заботливое отношение мастеров и рабочих, которое встретила Раиса в цехе, быстро сгладило первые разочарования и Раиса почувствовала себя на заводе, как в родном доме.

Опытная фрезеровщица Дамме, к которой прикрепили девушку, охотно учила молодую работницу. Раиса подолгу наблюдала, как работает Дамме. В ее руках все казалось легким и простым. Но когда девушка попробовала сама выточить деталь, у нее сломалась фреза.

«Ничего у меня не выйдет, — с отчаянием подумала Раиса.

В этот момент вошла ее оставшаяся мастер цеха Берзинича. Слово прочитав ее мысли, он нетерпеливо сказал:

— Не падай духом! Не сразу ее получается.

И так подробно объясняет,

как исправить неполадки в станке, почему они произошли, на какую глубину нужно опускать фрезу в заготовку.

Спустя несколько дней он одобительно заметил:

— Ну вот, молодец, уже работаешь самостоятельно, и довольно неплохо! Скоро совсем научишься.

И действительно, день ото дня работало лучше.

Однажды, закончив работу, Раиса очищала станок от стружки и вытирала эмульсию. Кто-то на работнице окликнул ее:

— Раиса Иди получать зарплату. Это были первые деньги, которые Раиса заработала. С завода она направилась прямо на почту. Прежде всего нужно послать маме. Потом она зашла в кондитерский магазин, купила конфет и пирожных — это для родителей, Юри и Ириочки. Остальные деньги отдала брату: жили ведь вместе. Раисе приятно было сознавать, что теперь и она может помочь своей семье. Когда принесла следующую зарплату, брат сказал:

— О, как много! Скоро праздник. Купи себе туфли.

Приближался седьмое ноября. В воскресный день Раиса ходила с женой брата по магазинам, пока не выбрала красивые модельные туфли. После покупки у нее еще остались деньги. Подсчитав заработок, она решила к Новому году купить пальто.

Минуло полгода. Раиса уже хорошо освоила фрезерный станок. Как-то начальник цеха Нелусов позвал ее в кабинет.

— Ты чертежи читать умеешь? — спросил он.

— Умею.

— Нашему цеху нужен человек, который хорошо разбирается в бы в чертежах, в технологии. Я хочу предложить эту должность тебе.

Раисе присвоили седьмой разряд, и она стала работать комплектовщицей. Чтению вела Раиса свое новое дело. Выдавала рабочим заготовки, распределяла наряды так, чтобы разные детали штампа были готовы одновременно. Это позволяло производить сборку штампов без задержек.

Осенью 1951 года намался очередной набор в электромеханический техникум при заводе «ВЭФ». Раиса задумалась: может быть, и ей полагается туда. Знания помогу еще лучше организовать работу на заводе. Но хвати ли сил, чтобы совмещать работу с учебой? Раиса вспомнила первые дни на заводе, свой страх и неуверенность в себе. С тех пор прошло немало времени, и она уже не раз убеждалась, что может преодолевать трудности. Работа на заводе задала ей, сделала ее лев настоящей. Она должна преодолеть и эту трудность!

Раиса поступила в техникум. В цехе одобрили ее решение. Администрация также изменила часы ее работы, чтобы она могла посещать все занятия. С увеличением звания Раиса за учебники. И перестала читать раскрывающиеся введомские области высшей математики, электротехники, радиотехники. Неожиданно для себя девушка обнаружила, что все с детства знала. Технологию металлов, например, она уже успела узнать на работе в цехе. А когда началась практика в механических цехах, Раиса даже объясняла своим однокурсникам

устройство станков, виды обработки металлов.

На следующий год студентов послали на практику в радиомонтажный цех. По окончании Раиса перешла работать из инструментального цеха в радиоцех, на электросборку приемников «Мир».

Монтаж радиоприемников ведется на конвейере. Раисе поручили выполнять на первый взгляд несложную операцию — припаять провода, идущие от фрикционов освещенных ламп к контактам статора. Как будто все ясно и просто. Пальчиком Раиса уже умела пользоваться. А все-таки от работающей рядом девушки слычало отчаяние. Раиса не собираясь по нескольким аппаратам. И хотя никто не торопил ее, она начинала волноваться, терпелась. Но, как и в первые дни работы на заводе, ее выручили передовые производственники. Как-то к ней подошла опытная радиомонтажница Напильникова.

Лучше припаять не каждый проводочек отдельности, все сразу, — сказала она. — Давая я сделаю эту операцию, покажу тебе, а ты посмотри.

Раиса увидела, что делать все пачки сразу гораздо быстрее и удобнее: канцель и пальник приходится брать в руки не семь, а только один раз. Это значительно ускорило работу, и Раиса стала успевать за конвейером.

***

В свободную минуту Раиса любит заглянуть в радиомонтаж, послушать отзывы покупателей о приемниках «Волтика» и «Мир», в магазинах, которых влечет и ее труд. Вот у прилавка покупателя осматривают приемник «Мир».

Хорошая покупка, — говорит один из них. — Приемник замечательный!

Раиса, сама того не замечая, улыбается: приятно слышать лестный отзыв о продукции родного завода.

Приемники с маркой завода «ВЭФ» известны за пределами нашей Родины. Раисе не раз приходилось участвовать в монтаже приемников «Мир», которые отправлялись в страны народной демократии. Не так давно на «ВЭФ» приехал из Польши инженер, знакомился с опытом работы советских специалистов. В нынешнем году завод «ВЭФ» будет выпускать радиоприемники «Мир» в 14 раз больше, чем в 1952 году.

Сейчас на заводе изготовлены новые экспериментальные радиолы «Мир». На сборке их будет работать и Раиса Сиринбани.

Скоро Раиса окончит техникум. Ей предстоит еще сдать несколько экзаменов, написать два курсовых проекта и диплом. Раиса не сомневается, что успешно с этим справится. Работая на заводе, она многое изучила на практике: детали, устройство, конструкцию, работу радиоприемников. Хорошо знакомы ей экономика и организация производства.

Раиса мечтает поступить на заочное отделение института. Но работать она хочет попрежнему здесь, в своем цехе, на заводе «ВЭФ», который она по-настоящему полюбила.

Н. ШВЕЧЕНКО

Фото М. Савица.

Стеческая забота партии и правительства о дальнейшем расцвете нашей Родны воодушевляет советских людей на новые трудовые подвиги. Больших производственных успехов добился токарь Днепрпетровского завода металлургического оборудования Евгений Карагадин. Дневную норму он выполняет на 180—200 процентов. На снимке: токарь Евгений Карагадин за обработкой вала для прокатного стана.

Ежегодно в сентябре советский народ и его Вооруженные Силы отмечают традиционный праздник — День танкистов. В этот день мы чествуем воинов бронетанковых и механизированных войск, работников танковой промышленности.

С подвигами советских танкистов связано немало героических страниц истории нашей Родины. Мы вспоминаем великую битву под Сталинградом, где была окружена 330-тысячная вражеская группировка. В осуществлении замысла этой операции танковым и механизированным соединениям принадлежала решающая роль. Неувядаемой славы покорились знамена танкисты в боях под Орлом и Курском, в Корсунь-Шевченковской операции, на Сандомирском плацдарме, в боях за освобождение Варшавы и Праги; в 300 танков участвовало в штурме Берлина.

Вот один из многих тысяч советских танков, грозных боевых машин. Он прошел славный боевой путь от Сталинграда до Праги. На этом танке, сделанном руками советских рабочих, воевал прославленный танкист-кантемировец Герой Советского Союза Геннадий Виноградов.

Внимательно слушают молодые танкисты рассказ участника Отечественной войны гвардии майора В. А. Бугаилова о боевом пути Кантемировской дивизии.

Фото В. Тюккеля.

ДРУЖЕСКАЯ УКАЗАТЕЛЬНАЯ ПУТЬ

В одной из статей М. Горький как-то заметил, что следовало бы включать из литературного обихода такие слова, как «творчество», «докладовые», и вместо них употреблять, разве, всем известные выражения: «труд», «работа». Великий писатель подчеркивал, что искусство, как и любая другая область человеческой деятельности, требует напряженного труда, постоянного накопления опыта, систематического совершенствования приемов мастера. Эта мысль встречается во всех высказываниях Алексея Максимовича по вопросам искусства, во всех его письмах литераторам, начинающим и зрелым, опытным мастерам и пробующим свои силы «подмастерам».

Постоянная титаническая работа редактора, которую Горький вел в течение всей своей жизни, дает образцы такого напряженного труда над словом.

Было бы очень полезно собрать и обобщить все замечания Горького, разбросанные в его многочисленных письмах к начинающим и известным писателям, заметки на полях прочитанных им книг и рукописей. Это была бы поучительнейшая книга, незаменимое пособие для каждого литератора.

Одной из первых попыток сделать такой обзор материалов редакторской деятельности Алексея Максимовича является вышедшая недавно из печати книга В. А. Максимовой «Как Горький редактировал рукописи». Несмотря на небольшой объем, книга содержит ценные указания, основанные на богатейшем опыте великого писателя.

Размах редакторской работы Горького была постоянна грандиозна. На протяжении почти сорока лет он редактировал сотни книг, прошел десятки тысяч рукописей, многие из которых довел до печатного станка. Достаточно сказать, что в Москве, в архиве А. М. Горького, хранится около 7 тысяч страниц различных рукописей, тщательно выверенных Алексеем Максимовичем. «...Среди советских литераторов», — писал А. А. Фадеев, — нет почти никого, не затронутого в большей или меньшей степени воспитательным воздействием Горького. Почти у всех сохранились рукописи собственных произведений, испещренные горьковским крутым почерком, с примечаниями на полях, или письма его, или воспоминания о беседах с ним, посвященных литературной работе».

Многие слага и времени отнимало у Алексея Максимовича воспитание молодых писателей, чтение их рукописей и книг. Но никогда он этой работой не тяготился. По его глубочайшему убеждению, это было дело необычайной, государственной важности. В нем он видел одну из возможностей обогащения советской литературы новыми, талантливыми писателями. Он писал по этому поводу журналу «Сибирская огни»: «...знали бы вы, сколько на путях моих я встретил замечательных талантливых людей, которые погибли лишь потому, что в момент наивысшего напряжения их стремлений — они не встретили опоры, поддержки. Вот отсюда и происходит мое отношение к «литературным младенцам»».

В книге Максимовой рассказывается о том, что Горький в своей редакторской работе никогда не обходился ни одной стороны процесса создания художественного произведения. Прежде всего он оценивал закономерность и значительность темы. Дело не только в том, мелкий или крупный факт избрал автором для изображения. Важно, чтобы этот факт, даже небольшой, был общественно-значительным. Получая рукописи, написанные даже гладко и грамотно, но посвященные незначительным, лишенным общественного интереса темам, Горький писал и резко отвергал их: «Врать надо мелко», — говорил он, — но характерное и сделать большее и типичное — вот задача литературы. Однако Алексей Максимович не устал повторять, что и самый хороший замысел может быть испорчен небрежностью обработки материала, искажен дурым исполнением.

В повести «Горький хлеб», полученной от молодой, начинающей писательницы, была взята важная и нужная для середины двадцатых годов тема: протест женщины, давние годы находившейся в плену кухни, семьи, быта. Горький заинтересовался рукописью, отметил важность темы, но указал на неудовлетворительность ее решения. Алексей Максимович объяснял автору, что ей необходимо отделиться от знакомого протопина и посредством художественного домисла правильно показать судьбу русской женщины в ее борьбе за свое раскрепощение в быту.

С этой задачей автор не справился и во втором варианте повести. Горький вновь терпеливо объяснял причину неудач. «Ваша мать», — писал он, — фигура грубо зоологическая, так же, как и дети ее. Ее стремление к «свободе», к «работе на себя» не имеет ничего общего с психикой тех женщин нашего времени, которые ревностно и уже достаточно успешно пытаются освободиться от категории индивидуального «домашнего хозяйства»».

Большую помощь оказал А. М. Горький начинающей писательнице Мария Еришова. Познакомившись с ее рассказом «Две матери», отмечая его ценность, он указал автору и на многие художественные погрешности. Так, например, героиня рассказа Тани Макарова в отсутствие своего жениха усыновляла мальчика-подкидыша. Объясняя женскую

свою поступок, Тania говорит: «Разве у нас куча детей, что мы должны на шею государству посылать лишнего ребенка? Стыдно, Иван. Это дает много счастья, ой дорог мой!»

Горький отметил неестественность, фальшивость тона этих слов, противоречившего искренней и непосредственной натуре девушки. По совету Горького это место в рассказе было переделано. Слова Тани теперь звучали так: «Я была уверена, что ты одобришь мой поступок... а заальчица сделала она, в эту минуту действительно веря, что она не сомневалась в нем, и тише добавила: — Стыдно, Иван, я спасла его, ой дорог мой!»

Большой интерес представляет работа А. М. Горького над рукописью В. Гроссмана «Степан Павлов». После отрицательного отзыва Алексея Максимовича эта повесть как самостоятельное произведение в печати не появилась, но в результате коренной переработки была включена в первую часть романа «Степан Колчугин». В. А. Максимова рассказывает, что рукопись повесть «Степан Павлов», хранящаяся в архиве А. М. Горького, вся испещрена критическими замечаниями, пометками, редакторской правкой (на 62 страницах редакторская правка, на 49 страницах замечания разного характера).

Так, например, Гроссман писал, что мальчуган облака казался похожим на корабль. Горький отметил неправдоподобность этого сравнения. Ребенок, не вышедший ни моря, ни кораблей, такого сравнения делать не может. На другой странице, против фразы: «Степка, сойдя по каменной лестнице, протянул руку к солонику и, поспав хлеб, стал жевать его сташими от голода громадными мужскими челюстями», — Алексей Максимович заметил, что голод отнюдь не способствует росту костей, и вычеркнул последние слова этой фразы.

Большое значение Горький придавал описанию внешнего вида героя. Сам он был блестящим мастером портрета. Очень часто на полях прочитанных им рукописей мы встречаем пометки такого рода: «Какже люди говорят, как они одеты, как ведут себя?» На рукописи молодого автора Тимченко «Тезка» Горький написал: «Следовало бы изобразить фигуру, а у разговорившей «дережата борода», а к чему она приросла — не видно. И того, с кем разговоривает, тоже не видно».

Известно, что Горький неустойчиво боролся за ясность, точность, выразительность языка художественной литературы. Он бесощадно вычеркивал всякого рода красоты, затемняющие смысл повествования. В одной из рукописей было написано: «Солнце, являвшаяся краской, тоно старинный, расклеванный до красна пятак, погрузился в темный воск землицы, вступил на него, и на полях, что пятаки расклевывать незначим, и следовательно, описание солнца неправдоподобно».

В книге В. А. Максимовой приводятся многочисленные примеры редакторской работы великого писателя над языком произведений многих авторов. Очень большое внимание уделял он звучности, музыкальности языка. Характерны подчеркивания, сделанные Горьким на рукописи рассказа П. Максимова «Женитба». Вот один из абзацев этой рукописи:

«За старенькими грязными ширмами, закрывающими вход в погребок, говорили два человека. Один из них был в сортушке, в крахмальном воротничке. В потреще было уже почти вусто и потому голоса доносились в вусто зал. Говорили с увлечением. У одного голоса был молодой... другой говорил лениво и скорбно».

Как видно из этого отрывка, Горький тщательно подчеркивал назойливое повторение одних и тех же звуков, слов, заставляя автора упорно работать над языком.

Замечательной особенностью Горького-редактора является его изумительно бережное отношение к авторской индивидуальности. Он попростому уважал писателя, никогда не навязывал ему своей воли. Работая над рукописью, он всегда старался сохранить обособности творческого почерка молодого автора.

В своих оценках Горький бывал суров и ярым. Однако тон его критики был всегда дружеским и доброжелательным. Как бы резко Алексей Максимович ни критиковал того или иного автора, он всегда помнил, что его задача — помочь, а не отбивать охоту работать дальше. В одной из своих статей, посвященных разбору рукописей начинающих авторов, Горький специально оговорился: «Это не упреки по адресу начинающих литераторов, это дружеское указание пути, идея которого они могут брать и сильно выработать».

«Дружеское указание пути» — лучше не скажешь! Благодаря этому дружескому указанию десятки писателей выросли и вышли в первые ряды нашей самой передовой, самой идейной литературы в мире.

***

Двадцать лет тому назад, разрабатывая программу Первого Всесоюзного съезда советских писателей, Горький специально выделил вопрос о работе с молодыми авторами. Этому вопросу на съезде были посвящены два доклада. Мне, готовясь ко Второму Всесоюзному съезду советских писателей, следует еще и еще раз глубоко изучить неисчерпаемую сокровищницу опыта великого писателя.

СТИХИ
ПЕТРА КУЦКА

ХОРОША СТРАНА
БОЛГАРИЯ

Фото Дм. Валтерманца и Фотохроники ТАСС.

Талантливый поэт Петр Куцка принадлежит к тому поколению венгерских писателей, творчество которых сформировалось после освобождения Венгрии.

Петр Куцка родился в 1923 году. Отец его был художником, умел паять, и мальчишка самостоятельно зарабатывал на жизнь: он батрачил, был рабочим на соевых полях баловачского племзема, работал наемником. В ноябре 1944 года Петера Куцку ввели в армию, но не ждали воевать против Советского Союза, он уже в декабре бежал из армии. Увел с собой еще тринадцать товарищей.

Первые Куцка начал печататься в 1947 году. Выступал в нескольких сборниках стихотворений. Последние книги Куцки «Всем, всем, всем», посвященная героическим событиям венгерской пролетарской революции 1919 года, удостоена национальной премии имени Котуца.

Куцка одним из первых после освобождения своей родиной от фашистского ига внес в поэзию современной Венгрии мужественный голос людей труда, борющихся за утверждение власти народа, сторонних социализму.

Следует упомянуть своего любимого поэта Владимир Маяковского. Куцка старается откликаться на все взаимоотношения поэты современности.

Анатолий ГИДАШ

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ПЕСЕН

Мне десять тысяч песен спеть не дано!
Они помнят время, как «Добрый день»!
Иногда песня мне, грешачка,
Как бор, —
С осенней бурей вступающая в спор.
Я знаю ароматную, как мед,
И есть еще — как медь, она поет.
Есть бодрая, шутовская ода,
Другая хвасткая, как свист хлещет она.
Есть тайная: курган, туман, огни...
И жаркая, как свадьба в наш дни!
Трудобойная, как зорька на луг —
Я десять тысяч песен спеть могу!

Я десять тысяч песен мог бы спеть!
Что с ними делать мне?
Куда их деть?
Или виллы, может, их развесить?
Или, высушившись из окна в экспрессе,
Отдать их ветру!
Или, может быть,
Мне с птицами те песни разучить?
Или виллы их в лесосушитель!
А может, сталь меча
Покроить мне лучше мими!
Посеять их весной?
Посев всегда чудесен!
Иль холки упрячь в немястье от дождей?
Я пламенный заступ все десять тысяч песен,
Чтобы согреть сердца мне дорогих людей!

КОГДА Б СО МНОЙ...

Когда б, со мной беседа затеява,
Острак спросил, дурначка и смеяса:
«Их всех планет, скажи, тебе кака
Всех больше нравятся:
Нептун или Марс?»

Не размышляя долго,
Я б ответил:
«Земля — начало бытия!
Я рок, борюлся
На моей планете,
В ней жизнь моя.
Милей мне всех Земля!»
И если б он, владея шуткой плохой,
Так продолжал,
Меня стремясь смутить:
«Ты выбрал бы прощущую эпоху
Или в будущей согласье для бы жить?»
А может, вечность ты держал бы
на примете,
Что бронзою сняет наву?»

Я б, враздрослова высмеяв, ответил:
«Нужна эпоха мне одна —
в какой живешь!»

Перевел с венгерского
А. СИТОВСКИЙ.

Димитровград еще строится: на его окраинах рядом с новыми жилыми корпусами можно увидеть последние деревянные халупы — еще вот-вот долгие снести — а в центре болгарского города. Собранные здесь документы и экспонаты рассказывают не только о первом лагере бригадиров-строителей, прибывших на стройку по призыву Димитровграда соя молодень, но только о том, как будет выглядеть город через несколько лет, но и о том, как жила деревня Рановица, на месте которой поднялись новые корпуса заводоуправлений.

В музее есть уголок старой деревни — закипчатая печь, неросовая лампа, соха, примитивный ткацкий станок. Из музейного уголка смотрит на вас старая Болгария — нищая, отсталая страна.

А вот Болгария новая: Димитровград с огромными корпусами химовбината, выпускающего искусственные удобрения. Этот новый город дает целый поток электрической энергии, осветившей некогда темный край Марци. Димитровград — это и уголь, и асбест, и цемент. Это и настоящая нищизна кадров рабочего класса новой, социалистической Болгарии.

История Димитровграда, темпы, канони он строится, энтузиазм его граждан — все это характерно для всей социалистической Болгарии. Мечта о народной счастье, за историей борющейся болгарские революционеры, стала реальной действительностью. Незадолго, крепнущая день ото дня Болгария одерживает под испытанным руководством Болгарской коммунистической партии одну победу за другой.

Металлургический завод имени Ленина, построенный с помощью Советского Союза, открывает новую эпоху в болгарской промышленности. Еще недавно Болгария воевала сталь. Да только ли сталь? Даже простые иголки ввозились из-за границы! Цены этого нового завода освещены первоклассными машинами, присланными из Советского Союза. Можно представить себе, с каким чувством впервые перепахивали порог таного цеха молодые рабочие, пришедшие из

болгарских деревень. На их лицах можно было прочитать в тот момент не только гордость, но и счастье. А сегодня каждый из них чувствует себя у прокатного стана, как дома.

Теперь рядом с пирами болгарскими именами-рабочими появляются первые болгарские станеры, прокатчики, вальцовщики. Представитель многих профессий, которые раньше Болгария не знала и не могла знать, можно встретить сегодня и в Родосском крае, которые болгары называют «Маленьким Уралом», и на берегах новых озер-водохранилищ, которые изменили лицо целых районов.

Пуки намодного нового предпринятия, намодного нового канала превращается в праздник советско-болгарской дружбы. Наша страна порождает и помогает братскому болгарскому народу стремительно развивать его промышленность, готовить высококвалифицированных мастеров индустрии.

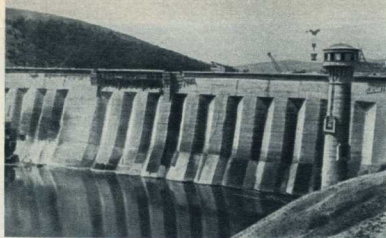
Крылатые стали слова Георгия Михайловича Димитрова о том, что для болгарского народа дружба с Советским Союзом необходима, как солнце и воздух для каждого живого существа.

Новая, народная Болгария достигла небывалых успехов не только в промышленности и сельском хозяйстве, перестраивающемся на новые, кооперативные начала, но и в области культуры. За последние десять лет она стала страной сплошной грамотности. Достигнут неизданный в истории страны подъем материального уровня жизни народа. Четыре раза снижались цены на продовольственные и промышленные товары.

Зари новой жизни заглянула над Болгарией 9 сентября 1944 года, когда была свергнута фашистская диктатура. Девятое сентября 1944 года было первым днем свободы. Эту дату болгарский народ ежегодно отмечает как свой великий национальный праздник. Он с гордостью оглашается на пройденный десятилетиями путь и выдвигает на будущее скотит в будущее, и он знает это будущее прекрасно!

1. «Болгарская роза разносит дыхание нашей родины в самые далекие края земли», — сказал великий писатель Болгарии Иван Вазов. Тысячи гектаров в стране занимают розовые плантации, дающие ценное сырье для парфюмерной промышленности.

2. По воле народного правительства в засушливых районах Болгарии строятся водохранилища и оросительные каналы. На этом снимке: плотина, сооруженная на водохранилище Студена.

3. Болгария постоянно расширяет свою внешнюю торговлю. Все больше мараблей приходит в порт Бургас под флагами разных наций.

4. В Болгарии, в прошлом отсталой аграрной стране, растет новое поколение рабочего класса. На этом снимке вы видите трех шахтеров Димитровского угольного бассейна: Паскала Аргирова, Ненчо Михайлова и Мехмеда Мехмедова. Они с успехом овладевают сложной техникой, присланной из Советского Союза, ударную работу считают с учебой.

5. Плевна стала городом-музеем, где собрано множество священных для каждого болгарина реликвий. Они напоминают о братской помощи великого русского народа, дважды освободившего Болгарию. На снимке: школьники у старых русских орудий в одном из парков Плевны.

6. Димитровград строится. На его окраинах рядом с новыми зданиями можно увидеть последнюю деревянную халупу — ее жгут для отопления.

«ТРЕТИЙ ЛИЦИНЬ»

Рассказ

Нынчешняя весна принесла мне массу неприятностей. И что самое курьезное — все неприятности достались мне из-за чужой любви. Мой друг Федя заблуждён в сергалуэту Зину Ситая — студентку 1-го курса полиграфического техникума. С этого все и началось.

С Федей мы вместе росли, жили в одном дворе, в одном доме. Отцы наши были очень дружны, и это еще больше укрепило нашу детскую привязанность, которая со временем переросла в настоящую дружбу двух молодых людей. Сколько я себя помню, каждое лето мы делали вместе с Федей. Вместе мы отсиживали в детстве наш фруктовый сад от налетов маальчишек с Канатной улицы. Вместе готовили уроки, сидели на одной парте. Вместе поступили работать на электротракторный завод после окончания семи классов. В один день нас приняла в комсомол. В один день мы, самые молодые товарищи в цехе, получили шестой разряд. У нас даже была одна заветная мечта: после окончания вечерней школы рабочей молодежи поступить в военно-морское училище.

Нет, мы были не просто друзьями. Я бы сказал: мы были братьями.

Заводские девчата говорили, что мы даже похожи друг на друга, как близнецы. Действительно, оба мы одного роста, оба курносые: только я черныш, а Федя светлоглазый. У нас и кичка на заводе была — «близнецы».

На работу мы всегда ходили вместе. И стоевал нам походить у мужских ворот, как девушки встречали нас веселой частушкой, которую они сочинили сами:

Оба товарищи, оба
Не расстанутся до гроба.
В ином мире вы встретитесь
Нанич чудно-близнецы.

Но теперь все это в прошлом. Теперь мы не ходим вместе, и никто не поет о нас шутливых песен. Мы с Федей больше не друзья. Нарушила наша дружба из-за Зины Ситай.

В один из выходных дней я отыскал на водной станции «Спартак». После очередной «сютки» биттерфалем, когда я поднимался по лесенке из воды, ко мне подошла Федя и с ним стройная сергалуэта девушка в зеленом купальном костюме.

— Познакомись, — сказала Федя, улыбаясь, — моя Зина, прошу любить и жаловать.

Я вас таким и представляла, — Зина протянула мне маленькую руку. — Федя говорил о вас много хорошего.

— Рад познакомиться, хотя я о вас ничего не слышал, — ответил я, а про себя подумал: «Федя лжет!» Ни разу и словом не обмолвился, что встречается с девушкой.

Весь этот день провалил втроём, и к вечеру, когда расходились по домам, мы с Зиной были уже знакомыми друзьями.

После этой встречи мы с Федей частенько заглядывали в маленький домик на Лесной, где живет Зина с матерью. Никогда нам втроём не бывало скучно.

В конце прошлой зимы к нам приехали на гастроли артисты столичного театра. С большим трудом мне удалось достать билеты на один из спектаклей. С Федей мы договорились, что в театр пойдем все вместе из его дома, где он будет меня ждать с Зиной.

Когда я пришла за ними, Зина сидела на подоконнике, Федя в рабочем комбинезоне, небритый и злой, мерил комнату большими шагами. Как видно, происходила какая-то серьезный разговор.

Сделав вид, что ничего не замечаю, я сказала:

— Федя, если ты сейчас же не сидишь бриться, мы наверняка опоздаем к началу.

— Я идука не иду. — Федя повернулся ко мне спиной. — Зина тоже не иду.

Зина, что Федя обидно не меняет своих решений, я направилась к двери.

— Подожди, Павлуш! — крикнула Зина. Она спрыгнула с подоконника и подошла ко мне. — Если Федя не хочет идти, он может остаться дома, а я иду с тобой.

Узнав о дороге я позвал:

— Федя, идем, не дури!

Но Федя не откликнулся.

В театре я чувствовала себя не совсем хорошо. Виною тому была опозда не игра

артистов, — они играли безупречно. Мне было не по себе оттого, что я знала в театре нет моего друга.

На следующий день после спектакля у нас с Федей произошла такая распря.

— Мы с тобой ровесники, Павка, давно дружим, — начал он, — и просто интересно, как это могло случиться, что ты потеряла чувство товарищеской верности и, если хочешь, чужости. Ведь ты знаешь, что я...

Федя замолчал. Воздух, он по старой, хорошо знакомой мне привычке нервно постукивал пальцами по столу.

После невольной для нас паузы он тихо произнес:

— Я люблю Зину... Ты видел, что я не хочу идти в театр, не надо было тынуть ее за собой.

Утробно друга оторчал меня. Мне было жаль Федю и в то же время раздражало его необоснованное обвинение.

— Что-то ты путаешь, Федя. Ведь ты знаешь, что я ее не тащил, она сама захотела идти.

Он перебил меня:

— И вообще, как ты не понимаешь, что играешь роль «третьего лишнего», нарушаешь мужскую этику?

Я с удивлением посмотрел на него: Федя это говорит или не Федя? При чем тут «мужская этика»? Да и вообще, что это означает? Но затем, подумав, что заблужденные иногда способны на всякие глупости, решил успокоить друга, убедить его в том, что он неправ.

— Если я вам мешаю, что же ты молчал раньше? — спросил я. — Поверь, у меня не было никаких намерений помешать твоей дружбе с Зиной. Можешь быть spokojнее: больше «третьим лишним» не буду и считаю, что из-за этого там с тобой сорваться не стоит.

После этого разговора отношения с Федей у нас как будто наладились, но на душе у меня осталась какой-то неприятный осадок.

Я никогда больше не спрашивал его о Зине и не виделся с ней. На работу мы попрежнему ходили вместе, но, выходя из заводского двора, расходившись в разные стороны: Федя направлялся к Зине, а я на пренорровку ким домой.

Пришла весна. Однажды в городе а случайно встретила Зину. Она схватила меня за руку и тут же начала отчитывать:

— Почему не заходишь? Как не стыдно забивать друзей!

— Работа, учеба, тренировки, сама знаешь, — пытался я оправдаться. О «мужской этике» я, конечно, не сказала ей ни слова.

Она строго посмотрела на меня, а затем уже с улыбкой, но то в шутку, но то всерьез, сказала:

— Хорошо. Можешь не оправдываться. Но сегодня ты мой пацаник!

Словно в подтверждение того, что я действительно есленник, Зина крепко взяла меня за руку.

Зинина мама — седенькая Дарья Никитична — накормила нас вкусными борщом, угостила балычками и вчерашним.

Дома у Зины, конечно, хорошо — чисто, уютно. Посидели бы тут, но сюда может зайти Федя, еще подумает что-либо... Отсидел для приличия положенное, на мой взгляд, время, и собрался уходить.

— Нет, дружок! Даром тебя балычками кормили? — Зина рассмеялась. — В порядке выполнения общественной нагрузки ты сейчас пойдешь со мной в парк.

— Не могу, Зина, устал, да и пора домой.

— Отговорки не принимаются. — Зина схватила мою кепку и направилась к двери. — Мам! Мы ушли.

Хорошо лето в нашем городском парке! Он раскинулся на холмах, и высоченные деревья растут здесь так густо, что ветви их, переплетаясь, образуют сплошную зеленую крышу над дорожками. Движется здесь легко, полной грудью... Мы с Зиной забрели на вершину одного из самых высоких холмов парка.

Перед нами лежала горка, утопающая в зеленке солнца. Вдоль мгликий луч заходящего солнца упала на зипино лицо, и оно показало мне таким милым, что я поневоле залюбывался им.

Скажу прямо, в эту минуту я по-настоящему завладова Федя, которого любил такая девушка. Мне от души было жаль.

Леймон ПЕЛМАНИС

Любовь надо беречь

Одна любовь тиха, как Дуэгава.—
Ни облачка в теньное голубом.
Другая же совсем иного нрава—
Бурына, как Терек, мчится napрoлoм.

Одна любовь — по несогорку весен
Раскаванных ручьев счастливым берг.
Другая же задумчива, как осень—
Не желтый лист ложится первый снeг.

Одна — как эх в пропастях бездонной,
Другая — перелескою тишина.
Но березно неси ее, влюбленный,
Какою ни казалась бы она.

Любовь а с бурей смело спорить станет
И молнии в грозу обломит меч.
Но даке с тихим ветером уванет,
Когда не будешь ты ее беречь.

Пусть казался иной любви просторы
И глубине иясней байкальскe вод.
Но если не беречь ее, то скоро
Она зеленой тинной порастет.

И хоть она реснистка аселенной,—
Она нова, немданна, молодa.
И, чтоб не потерять ее мгновено,
Не забивай беречь ее всегда.

Перевел с литовского

Анниси КРОНАУЗ.

г. Рига.

Рисунок Г. Храпака.

что из-за какой-то выдуманной Феей «мужской этики» я не могу даже быть ей просто товарищем.

При одной мысли о том, что завтра, вероятно, Феда заведет со мной разговор по поводу вынесенной прогулки, хорошее настроение, появившееся у меня в парке, сразу пропало. Это заметила Зина и спросила:

— Что с тобой, Паваник? Тебе тут не нравится?

— Нет, здесь очень хорошо, но я просто устал, а завтра рано вставать на работу. Пора идти.

Зина немного помолчала, а затем, глядя на меня в упор, спросила:

— Скажи, Паваник, я хоть немножко тебе нравлюсь?

Вопрос был неожиданным. Я чуточку подумал, прежде чем ответить.

— Да, нравлюсь. Как товарищ. Как хороший товарищ...

— Только?

— Только. Девушка, которую любит мой друг, не может быть для меня ничем больше.

— Даже если бы эта девушка любила не твоего друга, а тебя самого?

— Слушай, Зина, к чему эти вопросы? Тебя любит Феда, ты его тоже любишь, и нечего впадать в философию.

— А если я его не люблю?

— Ну и разбирайтесь сами, а я не хочу лезть в ваши личные дела! Идемка домой...

У ворот своего дома Зина спросила:

— Когда ты придешь?

— Когда будет свободное время, — ответила я, зная, что больше не приду и постараюсь с ней не встретиться.

Утром Феда не оказалась на usualном месте, и на работу в первый раз я пришел один. На заводе меня ждала новость: Феда по его просьбе перевел во вторую смену.

Так мы и работать стали врозь. Увидела я его только через два дня. Он пришел к самому началу вечерней смены, быстро направился к своему рабочему месту и выключил мотор станка.

На мой дружеский поклон он холодно кинул головой. Вскоре он вообще стал меня избегать и перестал здороваться.

В воскресенье я пошел к нему домой, чтобы поговорить по душам. Встретила меня Феда неприязненно.

— Что надо? — спросил он сухо.

— Хочу с тобой поговорить.

— Нам говорить не о чем, — сухо отрезал Феда, глядя куда-то поперек мой головы.

— Это почему? И, например, не знаю, чего ты от меня хочешь, почему дружишь!

— Я от тебя ничего не хочу, — Феда нагну голову, словно куда меня боднуть, — оставь меня в покое. Отбери девушку у друга и еще ходит объясняться! — выпалил он со злостью.

— Это неправда! Я никого у тебя не отбираю. Спроси у Зины...

— Я хотела сказать, что давно не видела ее, но она перебила меня:

— Уже спросил! Больше спрашивать не хочу... И разговаривать с тобой не желаю! — Феда отвернулся и добавил: — И больше у меня друга нет, понял?

Вот какой у нас «разговор по душам» получился.

Я был возмущен тем, что мой друг может обо мне так плохо думать. Но все же решил выяснить у Зины, в чем дело.

Зина встретила меня с нескрываемой радостью.

— Решил все-таки прийти?

— Да, решил. Скажи, пожалуйста, — перешел я прямо к делу, — что у вас с Феей происходит и при чем тут я?

— С Феей у нас ничего не происходит. Уже произошло.

— Что произошло?

Зина молча прошла по комнате и стала за своим стулом.

— Я сказала Феде, что ты любишь меня. Сиди, сиди, — Зина пришла руками мои плечи. — И сказала, что я тебя люблю.

— Но как ты могла сказать, что я тебя люблю? Разве я говорил тебе когда-нибудь об этом?

— А ты мог мне об этом и не говорить, — Зина все еще держала меня за плечи. — Это видно по твоим глазам.

— Ах! По глазам!

Теперь мне стало все ясно. Теперь я понял, почему Феда от меня отвернулась. Он думает, что я оказался подлым! От этой мысли я даже покраснел и, уже не следя за тем, что говорю, лишь бы сказать пороче, начал отчитывать Зину:

— А ты по моим глазам не видела, что Феда — мой лучший друг? А не заметила ли ты по моим глазам, что даже если бы и спорил от любви к тебе, то и тогда не стал бы с тобой встречаться и дружить, хотя бы потому, что с тобой встречался и тебя любила мой друг? Если ты этого не прочитала, то сейчас имеешь полную возможность...

С этими словами я выскочил за дверь. Больше я Зину не видел. С того времени меня стала одолевать бессонница. Тихими лунными ночами и все думаю как же это получилось, что я потерял друга, и правильно ли я поступил с Зиной?

Вчера, когда я на работе, Зина приходила ко мне домой. Обо всем, что произошло, она рассказала моей матери. Она сказала, что любит меня и что я не хочу встречаться с ней только потому, что ее любит мой друг Феда. Но чем могла помочь ей моя мать? Она приласкала, успокоила Зину, попросила ее заходить к нам.

Я не возражал, пусть Зина приходит, когда я на работе. Встретиться с ней я не хочу, хотя должен признаться, что люблю ее. Но могу ли я помириться с дружбой? Вправе ли я поступать так, чтобы Феда думал обо мне плохо даже теперь, когда мы с ним уже больше не друзья?

А как бы поступили вы?

Школьники Узбекистана прислали в подарок механикаторам Бобковской МТС Алтайского края две передовые библиотеки. На с них и в их тракторной бригаде В. Федина и тракториста В. Рябова просматривают полученные книги.

БРИГАДИР СЕМНАДЦАТОГО ЦЕЛИННОГО...

Григорий КУРЕНЕВ

Чемодан не закрывался. Пришлось прижать кришку коловом. После долгих усилий он все-таки закрылся. Валя еще раз оглядела опустевшую комнату:

— Как будто все...
Девчата сидели кто на стульях, кто прямо на узлах, притихшие, отворачивались, чтобы скрыть подступающие слезы. Квартирная хозяйка, та вполне откровенно всплакала. Женская тракторная бригада Ново-Егорьевской МТС расставалась со своим бригадиром Валентиной Федониной.

— А может, останешься, Валентина? — неуверенно проговорила Аня Луизовна. — Переводишься-то по собственному желанию. Еще не поздно в Барнаула написать, что перееду.

Говорила Аня неуверенно, без подтема. Знала, что бригада не переубедит. Даром что в ней девушка, подросток, а характер крутой.

— Передумать нечего. Вы тут и без меня справитесь. Машины у вас отличном состоянии, доброе имя бригада нашла, смотрите только, не теряйте его.

За окном нетерпеливо просигналил шофер. Валя посмотрела на Луизовну. Ее бывшая помощница остается теперь бригадиром, от нее зависит будущий успех бригады. Нет, что ни говори, а жаль расставаться с таким слаженным, дружным коллективом. Но и оставаться тоже нельзя.

— Ну, а кому-то что передать? — вытараща глаза кончик платка, спросила хозяйка, угадывая женским чутьем мысли Валентины.

— Ничего не надо, — поспешно ответила Валя. — Сама я, потом...

«Ого! — это муж, с которым вместе учились, вместе закончили техникум, вместе получили назначение в Ново-Егорьевскую МТС на должность участковых механиков. Только Валентина не захотела работать в мастерских, на

усадьбе. Потонуло к людям, а поле. А когда организовала женскую тракторную бригаду, стала редко бывать дома — домом стал полевой стан, — поили «сцены», как она сама об этом вспоминает. А тут еще стала экзаменоваться на первый курс инженерного факультета Новосибирского института механизации и электрификации сельского хозяйства.

— И так тебя месяцами не вижу, а тут уж и вовсе не придется, — с раздражением говорил муж. — Чуть свободная минутка — тебе заниматься надо, на сессии сидеть. Разве это жизнь?

Какой должна быть семейная жизнь, Валя, по правде говоря, не знала («Может быть, он и прав»), но работать в мастерских после успехов женской тракторной бригады уже никак не хотелось. Не хотелось бросить и институт, в который с таким напряжением готовилась и сдала поступительные экзамены. Да и не в характере Валентины было останавливаться на полпути. Решила: не разорвавшись вдаль, попробуем разобраться на расстоянии — и попросила перевести ее в другую МТС. В крае поскокорушались, но просьбу удовлетворили! — направили * в Рубцовский район.

Весь это было год назад...

***

Правы были девчата, не обманулась и сама Валентина в своих предвзвешенных: работу на новом месте начинать было нелегко! Поначалу пришлось снова, как и в Ново-Егорьевской, работать в мастерских механиком-контролером. Мучили сомнения, было жаль покинутой старой бригады. Но когда в начале этого года на хрестовой конференции Алтайские комсомольцы избрали Валентину Федонину делегатом на съезд комсомола, она решила: надо действовать!

Директор Бобковской МТС уже привык к

требованиям энергичной девушки, но на этот раз и он был поражен ее самолюбивостью:

— Яков Веняминович! Надо создавать женскую бригаду в МТС, и как можно скорее. Вот okazaли мне доверие, еду в Москву. А почему? Помнит по работе в Ново-Егорьевской! Неужели и у нас такую бригаду создать нельзя?

Директор МТС не спешил с ответом, что-то прикидывая:

— Создать-то можно, но где я тебе найду девчат с опытом? У тебя ведь в Ново-Егорьевской одни опытные трактористки были. А у нас кто? Маша Гладких да Сичикова Фрося. Вот уж как в поговорке: раз, два — и обчёрсны.

Надо помочь, — поддержал Валентину зональный секретарь райкома партии Гусев. — Девчат можно в Рубцовке с курсов взять, Федина сама и подучит...

Вспомнил тут же и о Рае Малаховой: заключившая шестимесячные курсы в Талдытае, до того работала несколько лет в колхозе имени Чапаева прицепщицей.

— Вот тебе и комсорг в бригаду, — сосал тогда же Гусев и, как всегда, не ошибся: Рае работает теперь комсоргом отряда. Боевые листки, учет показателей в соревновании, связь с шефами, беседы и чётка газет — все это успевают сделать всегда всецело, общительная Рае Малахова. Ее велосипед отлично приспособлен для любых передвижений: и к шефам в город, на Алтайский тракторный завод, и к девчатам, в степь.

— Наша Рае по четыре нормы дает за сутки, — шутит девчата и тут же поясняет: — Две на дизеле да столько же на велосипеде...

Валентина Федонина не стала дожидаться, пока МТС прибудет пополнение с курсов. Сама поехала в Рубцовск, поговорила по душам с приглашавшими ей курсантками, рассказала о своей прежней бригаде, поделилась планами в будущем. Приехала на усадьбу дождливо: две перепалочные подруги, бывшие инструкторы-комсомолки Валя Рябова и Вера Пестова, и молодая работница Алтайского тракторного завода Валя Потерева, тоже комсомолка, после окончания учебы приедут в бригаду.

— Не много ли Валя на одну бригаду? — пошутил Гусев, которому Федина рассказала о результатах поездки. — Две рядовых и одна руководящая. Как бы не запутаться...

— Разберемся, — отдала Валентина. — А девчата, Павел Тимофеевич, настроение, с такими работать можно...

Самым ярким событием года была поездка в Москву, на съезд. Поезд Барнаула — Москва пришел в столицу поздним вечером. Но делегаты не засиделись в гостинице, уехали с дороги, пероделлись — и на Красную площадь, посмотреть ночную Москву.

А через несколько дней в светлых залах Кремлевского дворца комсомолка Валентина Федонина приняла вызов на соревнование с молодежками бригадой Александр Каверина. Каверин со всей силой бригадой только перед съездом приехал из Жердевской МТС Тамбовской области на освоение целинных и залежных земель в Казахстане.

В переделе между заседаниями Федонина и Каверин ходили вместе, делились своими планами, обсуждали взятые обязательства.

— Что ж, условия у нас почти равные, — сказала на прощание Каверин. — У меня место новое, не обидное еще, зато есть стимул, и, думаю, сам себя знаю. Не подведу ребята. А ты хотя и сама местная, но девчата у тебя новички, без опыта. Так что кому труднее из нас придется, неизвестно. А только выполнить обязательства своим мы должны во что бы то ни стало...

Вот и стояли домом, на Алтай, неблизкий. За пять суток чего только не передумалось... И вот где-то за Уралом пришла первая сомнения: а правильно ли она, Валентина Федонина, поступила, что не посостовивавшись с кем-нибудь на себе такие обязательства? Эх, была бы у тебя, Федина (Валя часто говорит о себе в третьем лице), старая бригада, ново-егорьевские девчата! Уж тут-то можно было бы показать класс работе. Конечно, Каверин не много правды, но трактористы у него все опытные, а у меня половина девчат впервые поведет трактор в полевых условиях. Да и не зря, а целую поднимать!

Но тут же сама себя успокаивала: как она

может сомневаться в своих действиях! Небось, ждут не дождутся его возвращения!

Девчата встретили Федяину радостно: — Все уже знаем! Ну, и молодец же ты, Валентина, а за нас не беспокойся: не подведем, не уступим кавершам!

Когда погуляли восторги первых минут встречи, директор МТС сказал как о решении: — Принимайте новые «ДТ-54». Будете поднимать целину в «Красном знамени», в Тишинке.

А через несколько дней на равнине степных дорог за Тишинкой появилась в рошце вагончик — полевой стан семнадцатого целинного тракторного отряда. Вагончик этот сделан руками шефов, комсомольцев АТЗ, по особым чертежам и с особой тщательностью: ведь за обязательство, взятое Федяиной на съезде, в ответе вся молодежь Алтая!

Установили в вагончике раацию, завезли горючее и смазку, перегаляли дизель. Уехали в конце апреля первые ласты полевых целей — легли за плугами тракторного отряда.

Девчата торопились освоить новую профессию, пытались экономить время на разворотах. Но экономия стелага простоя: ломались сцепки, приходилось тулить в борозде, не успевая сдать. Тяжело давалась ночная пахота, нечего греха таить, бывала мелковатой и вспашка.

Председатель колхоза Анатолий Павлович Бойко без особого энтузиазма отнесся к тому, что из целины не выходит бюджет работавших тракторной бригадой.

— Ну какие из них трактористки? — говорил он Федяиной, приезжая в поле в плетухе из отрядной стая. — Фрося — та еще особ-статья, ее брат-тракторист вынул. Намучались ты с ними, Валентина Яковлевна! Диде я не как бы не приношу шапку назад! — просить помощи в других отрядах.

— А ты не бойся, Анатолий Павлович, — отвечала ему та самая Фрося, которую он только и признавал за трактористку. — Ни к брату, ни к сестре за помощью не пойдем, сами справимся...

В эти дни пуствовала вагончик в роше. Сама Федяина, ее помощница, трактористка с двадцатилетним стажем Матрена Николаевна Бодальская (бывшая тетя «Лоты»), свободные от смены Фрося Сычкова и Маша Галдких, комсор Рая Малахова — все дивеали и ночевали в борозде. На ходу ремонтировали машины, объясняли молодым трактористкам, как лучше развернуть сцеп, как вязать трудный, крутой подем.

Бывало, чужое ухо бригадира прислушается — так и есть: стал дизель в борозде! А у дизеля возится Вера Пестова, размазывая грязной рукой слезы. И ничего страшного не произошло, а вот слезы мешают найти неполадки. Успокоила Веру, осушила «недостойные комсомолки» слезы, смотришь, опять попопз с увала на увал «ДТ».

Девчата приобрели опыт, поломок становилось все меньше. Теперь на доске показателя в графях выработки не только проги фамилии Фрося стояла цифра «200». По две нормы давало в смену большинство трактористок; наладилось дело и у Веры — поплотры, а иногда и две нормы!

Валентина уже не избегала (а было такое!) встреч с председателем, наоборот, искала их, чтобы поинтересоваться:

— Как, Анатолий Павлович, сколько целиа? Ты уж ее не очень береги, еша чето надо попросить. Мы тебе такой урожай и дивные выросты, что всему правлению сможем новые шапки сшить.

— В вакрыма уберем — посмотришь, — в тон Федяиной отвечал Бойко, но опытным глазом хозяина видел: качество работ у девчат отличное, покладу, даже лучше, чем у Сычкова, фросинского бригады, который работал со своим отрядом в соседней полеводческой бригаде колхоза.

План полевых целины отряд переопределен, отпались ботра, в лучшие агрохимические сроки. И тут выяснилось, что отряд еще «кому» помощь может.

— Давайте еще землю, — потребовали девчата в МТС. — Саюю все распашали и засеяли.

Землю «нашли» в соседнем колхозе, имени Шевченко. И уже в пути, когда стаи перенести тракторы к новому месту работ, роди-

лась и задорно зазвучала над степью частушка:

Мы девчата бовые,
С севом вышли в первый ряд,
А теперь идем на помощь
В восемнадцатый отряд...

Нельзя сказать, чтобы старей, опытный бригадир восемнадцатого отряда очев обрадовался, увидев трактористок, приехавших на помощь. Но делать нечего: не справились вовремя сам, принимай помощь от других, даже если эти «другие» — девчата, «без году неделя» трактористки...

***

Стеной степи хлеба, и все-таки далеко видно в степи. А уж знакомую фигуру сельского писемосца девчата узнают чуть ли не на околице Тишинки. Письма идут со всех концов страны: пишут узбекские школьники (те, что подарили тракторамок прекрасную, любимо по добройнуд библиотеку книжных новинок), пишут воины Советской Армии, механизаторы соседних областей и республик. Пишут уже не «вобщие отряды, но и отдельным трактористкам: ведь имена и фамилии девушек часто появляются в газетах.

Вот и сегодня писемосец достает из сумки обязательную папку писем, переизвинуя крест-накрест веревочкой.

— Порадовать нечем, — виновато говорит он, и девчата понимают его с полуслова: это значит, что и сегодняшняя почта не принесла никаких вестей из Казахстана, от Каверина.

— Они думают: заключили договор, так до самого окончания работ писать не надо! — горчится Фрося. — Вот погодите, встретимся с ними на Выставке, в Москве, там поговорим...

— А мы-то сами никого пишем? — отвечает разгорячившейся Фросе Рая Малахова. — Им тоже не до писем. Вот надо бы в обком написать, пусть они нам результаты сообщат. Это уж мы вина как комсорга.

Письмосецом терпеливо пережидает эту знакомую для него перепалку.

— А это тебе, Валентина Яковлевна, — протягивает он два пакета.

Одно письмо явно официальное, со штампом на конверте. Другое личное, даже без обратного адреса отправителя. Его Валентина кладет в карман жакета, а первое, чито и распечатывает, пусть они нам результаты сообщат.

— Можно и не читать, — несколько смутившись, говорит она. — Очередное напоминание, что обязательство выполнять надо.

Так оно и есть: в письме со штампом Ново-

сибирского института — напоминание об академической задолженности. Просит заочнику инженерного факультета поглотиться с высокой контрольных работ по химии и начертательной геометрии.

— Второго от кого? — с искренним любопытством спрашивает кто-то из девчат.

— А вы свои сначала читайте, — густо покарсево, отвечает Федяина.

Вечером по дороге среди отбывших нас хлеб, мимо ровных квадратов кукурузы и подсолнечника мы возвращаемся к селу. Валентина срывает пшеничные колос, растирает его на небольшой ладони, считает зерна. Не сегодня-завтра начнется жатва!

— А, пожалуй, аря я вам о личном рассказывала, — задумчиво говорит Валентина, покусывая пшеничный стебель. — Вы об этом не упоминайте. Пока напишете да печатаете, мы с «ним» помиримся.

И хотя она больше не возвращается к этой теме, по оклижению чувствуется, что второе письмо от «него» и оно что-то меняет, и, вероятно, существенно.

— Интересно, как там у Луизовной? — неожиданно перекарсекает мысль Валентинки к старой ее бригаде. — Сохранили ли они там часовой график, что я завела в прошлом году? Мы-то у себя не сумели наладить работу по графику, а на будущее обязательно завелем.

Навстречу нам из Тишинки промчался мотоцикл. Летчики гражданской авиации проехали на степной аэродром: наступление на целину поддерживает и авиация.

— Мне по раиши сообщили: скоро получу мотоцикл с коляской. Вот уж покажу я нашим механизаторам, как ездить надо! — В глазах у Федяиной вспыхивают искорки, деловое ее подходек на спорного мальчишку.

Подходим к Тишинке. Здесь у бригадира квартира, которой она так и не пользовалась в горячее время пахоты и сева. А сегодня можно позволить себе ходить в клуб, перекарсевать в седе. А утром опять на стаю, готовить технику к уборке, и первой жатве на целине.

Тишинка. Задешние старожки, видящие целины тухлую жизнь, если село село на невысоком степном увале ласково прозвали Тишинкой. А сейчас днем и ночью гром в степных просторах за Тишинкой гремит моторов, задвигается комвальная целина и многолетняя залежь. Далеко стада видна и слышна затерянная прежде в степи Тишинки. И прослышавшие ее своими далами простые девчата из семнадцатого целинного тракторного отряда.

Неумолчно гудят тракторы на целинных землях Алтая. Больших трудовых успехов добился бригадир тракторной бригады Кулундинского МТС И. Тишин. На с. н. и. к. трактор И. Тишинки поднимает целину в колхозе «Путь и коммунизм».

Таджинская ССР. Хлопковые поля обрабатываются с воздуха химическим препаратом.

РАБОТАЕТ ХИМИЯ

В синем небе невесомо над землей пронесся самолет. Подобно челноку, он сияет туда и обратно, влоца за собой длинное облако тумана, медленно оседающего на поля, засеянные пшеницей.

Такую картину можно было наблюдать летом во многих областях нашей Родины. Это делала химическая прополка посевов.

Хорошо известно, сколько времени и труда надо затратить, чтобы удалить с поля сорную траву. Сорняки, осот, лебеда, молочай, вскапывая поземки, засаживают посевы зерновыми, покидают у них питательные вещества, вагу.

Еще недавно ручная прополка считалась единственным средством борьбы с злыми врагами урожая. Но на помощь социалистическому земледелию пришла химия. Ученые создали различные препараты, обладающие свойством уничтожать сорные травы. Эти химические соединения получили название гербицидов, что в переводе означает — «убиваю траву». Однако убивают они не всюкую траву.

Вот самолет закончил свои операции над полем и скрился вдаль. Любопытную картину можно наблюдать там, где опустилась тончайшая водяная пыль: сорняки склеиваются, сморщиваются, гибнут, а пшеница продолжает расти, как ни в чем не бывало.

Чем это объясняется? Гербициды обладают удивительной особенностью — избирательностью действия: они уничтожают одни растения и не трогают другие. Препараты являют для двудольных растений, к которым относятся большинство сорняков, и совершенно безвредны для однодольных, таких, как пшеница, рожь, овес, кукуруза.

Сорняки — бич не только для сельскохозяйственных полей. Они

застывают также искусственные водохранилища — озера, пруды, ирригационные каналы. В теплой той воде за короткий срок возникают непригодные заросли, своего рода подводный лес. Эта растительность портит водоемы, ведет к их обмелению, нарушает нормальный ход, водоросли забивают водосветные отверстия в плотинах, наматываются на лопасти турбин.

Неожданное явление казалося новоземским «выкорчевать» эти сорняки. Обычно с лодок или просто погрузившись по пояс в воду, люди, вооруженные косами, выкапывали целые растения, а затем выгребали их на берег. Подобную операцию приходилось повторять каждое лето по нескольку раз, так как водоросли после каждого укоса, словно навоз, разрастались еще более бурно.

— А не помогут ли тут гербициды? — заинтересовался кандидат биологических наук Ю. Д. Шмелев. И вот в Институте физиологии Академии наук СССР под руководством профессора Ю. В. Ракитина началось изучение действия химических препаратов на подводные растения.

Опыты сначала проводили в лабораториях. В аквариум, густо засоренный водорослями, высыпали порошок препарата, и через некоторое время растения теряли зеленую окраску, сморщивались, гибли. Затем перешли к опытам в естественных условиях, опрыскивали раствором гербицида водоемы.

Результаты оказались положительными. Через несколько дней после действия гербицидов стебли подводных растений оправились от корней и всплывали на поверхность. Было установлено, что химические препараты губят не только листья, но и корневую систему: новые побеги уже не вырастают. За две недели водо-

емы полностью очищаются от растительности.

Правда, до сих пор еще окончательно не установлено, как действуют гербициды на рыбью. Однако уже накопленные данные свидетельствуют о том, что малые дозы препарата не причиняют вреда рыбе и не отравляют воду. Опыты в этом направлении продолжаются. Самый молодой сотрудник лаборатории профессор Ю. В. Ракитин выпускник МГУ комсомолец Виктор Сидоров уехал с экспедицией, которая в производственных масштабах изучает действие гербицидов на сорную растительность искусственных водоемов.

Особенности новых химических препаратов не ограничиваются свойствами, указанными выше. Некоторые из них по-разному влияют на одно и то же растение. Глубокой оседелю наступают после последнего сбора хлопка. Но кусты хлопчатника еще продолжают развиваться, на них образуются новые побеги с листьями и бутонами. Эти бутоны все равно уже не успеют расцвести, но они берут питательные вещества, которые могли бы попасть в созревающие коробочки и увеличить их содержание. Чтобы растение напрасно не расходовало свои силы, обычно вручную обламывают молодые побеги, производят так называемую чечкину хлопчатника.

Исследования, проведенные кандидатом биологических наук К. Е. Омаровым под руководством профессора Ю. В. Ракитина, показали, что химические препараты могут освободить хлопковод от долгого и кропотливого труда — чечканы.

— Над бескрылыми полями хлопчатника, рассеяная слабый раствор препарата, пронесется самолет. Только одно поле, контрольное, остается необламываемое, его сохранят для сравнения.

Через несколько дней верхние и боковые юные побеги, листья и бутоны пожелтели, сморщились, потеряли упругость, а вместе с ним и жизнь. Иную картину представляли собой старые листья: они сначала слегка побурели, а затем вновь обрали густо темнотелую окраску; коробочки заметно прибавили в весе. По сравнению с контрольными растениями, которых миновала химическая чечкина, урожай вырос примерно на 15—20 процентов.

Чем же можно объяснить, что один и те же химические соединения вызывают на первый взгляд столь противоположные результаты?

Ведь в том, что юные, нежные побеги более чувствительны, они не в силах справиться с отравой и гибнут. Взрослые, хорошо сформированные листья и коробочки успешно сопротивляются воздействию препарата.

Эти явления, как установил профессор Ю. В. Ракитин, находятся в прямой и непосредственной зависимости от действия дозы препарата. В малых количествах препарат действует стимулирующе, в средних — служит тормозом, при определенных дозах, а в больших — отравляет культуру. Все это звено одного сложного физиологического процесса.

Новые препараты, всесторонне изученные и проверенные сначала в лабораториях, а затем в производстве, выйдут на широкую дорогу практики.

Г. БЛОК

Тысячи передовых колхозников удостоены высшей чести — быть участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Многие из них планируют поехать туда, чтобы на выставке получить опыт работы и в то же время самим поработать. Это замечательное народное мероприятие. Мы планируем встречаться русские и датские, украинцы и украинки, белорусы и грузины, немцы и японцы, туркмены и якуты — люди разных национальностей, озвученные благозвучными помыслами и стремлениями, вдохновленные безостановочно идущим делом.

Среди них, заслуженных тружеников социалистического хозяйства, мы видим и совсем еще молодых людей, но уже влюбленных в свою родную славу.

В числе их — украинской ССР на выдвинул почетный порт колхозница Мария Крысевич. В минувшем году ее задание соборало по 600 центнеров сахарной свеклы с гектара. Сейчас значим колхозница стоит у станка и рассматривает экскурсантов на трудовом посту своего завода. Есть чечкину попутчица у молодой колхозницы — участницы самой высокой награды Родины — ордена Ленина и Золотой Звезды Героя Социалистического Труда.

— Шестое центнеров сахарной свеклы с гектара — это лучший результат для моего звена, — говорит Мария Крысевич, — можно догнать и даже превзойти его.

Для этого имеются все условия. В Павлово-Успенской Федерации группа росточивой культуры, которую возглавляет узорной трубетнице, не-вод оторвано на плечи складает множество тонких и длинных черных косичек. На ее побуждение колхозница Мария Крысевич рассказывает о том, как она получила Золотую Звезду.

Эта знающая колхозница Успенской Федерации Труда — Георгина Ким. Она рассказывает, как дружно работали ее звено в минувшем году было выращено 118,9 центнера сахара с гектара на площади 100 центов семидесяти гектаров, как на год по выматыванию ее участие урожай этой технической культуры.

Вот — техническое растение. Оно любит влагу и тепло, не выносит холода, требует тщательного ухода. Зависит, поэтому, деление комсомолкой Евгенерной Ким не является ее трудом для того, чтобы создать этому важному растению все необходимые условия. Многие трудности, трудности, прополка, поливы, подкормки — все приходится совмещать одновременно и в строгом соответствии с требованиями агрономической науки. Но зато приходится звену спасать свой участок от неслыханных заморозков, проводить бессонные ночи в открытом поле, побеждая холод, выветривания, ветра, восток. В такие тревожные моменты колхозница Мария Крысевич собственными руками обогреть землю, лишь бы не погибла культура.

Экскурсанты внимательно слушают рассказ евгенерной, делают заметки, задают вопросы.

Моя работа — колхозница Евгенерная Ким, — приносит мне много радости, как и моих товарищей. Поэтому я и сейчас, когда вместе со мной борются за честь нашего колхоза, колхозницы имени Свердлова. Хотите увидеть результаты нашего труда? — приходите к нам в Павлово-Успенский.

Павлово-Успенской ССР внимание посетителей привлекает на редкость красивое, отполированное, выделанное, которое волюнтерно, выращенного на полях Социалистического Труда Евгенерной Ким.

Б. ЗОРИН

Фото М. Сметанна.

Участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки Герой Социалистического Труда комсомолка Екатерина Ким рассказывает ашхабадским школьницам Валерии Масловой, Нине Елатанской и Лилии Рымовой об успехах своего звана.

С. Куприянов. Одна из иллюстраций к повести Л. Воронковой «Солнечный денек».

Н. Тимощин

«Советский рыбак-помор».

Т. Рыжова.
«Материнство».

И. Алленперов.

«Иранская молодень в борьбе за мир»

Н. Кузнецов. «Июсомольцы в годы гражданской войны».

ДИПЛОМНИКИ

Московский художественный институт имени В. И. Сурикова в этом году выпустил новый отряд молодых художников — живописцев, графиков, скульпторов, мастеров театрально-декоративного оформления. Тридцать семь человек защитили дипломы, представляющие собой результат многолетней учебы, итог напряженного труда и поновок.

Вот одна из дипломных работ — скульптура Н. Тимошина «Советский рыбак-помор». В грубой брезентовой куртке и высоких сапогах — Бахила — стоит рыбак, приставно вглядываясь вдаль. Черты лица спокойны, немного суровы. Уверенностью и силой веет от всей его фигуры. Кажется, сейчас он взмахнет рукой — и тяжелые морские сети полетят за борт.

Лямок, податливый материал — глина или пластик, — с которым имеет дело скульптор, и нужны опытная, смелая рука, точный глаз, большая наблюдательность, чтобы придать этой инертной массе конкретные формы, вдохнуть в нее жизнь, заставить «говорить» — выражать определенные авторские идеи, мысли. Художнику только тогда сопутствует подлинная удача, когда он глубоко изучает жизнь, людей, когда темы, образы ему подсказывает сама действительность.

За плечами молодого скульптора Николая Тимошина немалый жизненный опыт. Вырос он в Петрозаводске. Ему с детства близка и понятия северная природа Онежского края. Еще в школе он начал рисовать, занимался в кружке при Доме пионеров. А потом война, служба в армии, фронты. Многие пришлось позвать Тимошину за эти годы. Демобилизовавшись, он поступил в институт. Свою преддипломную практику провел на Севере, в Мурманске. Два месяца внимательно знакомился он с бытом рыбаков Заполярья, выходил вместе с ними в море, делал многочисленные зарисовки, эскизы, наброски. Молодой художник сумел творчески осмыслить увиденное. В будничном труде поморов он разглядел черты подлинной героики и передал это в пластических формах. Созданная им скульптура отражает не просто какой-то рабочий момент — ее содержание значительно. Выразительный портрет рыбака становится как бы обобщенным образом советского человека-труженика.

Иными путями пришла к творчеству другая дипломантка, Татьяна Рыжова. Скульптурная композиция которой «Материнство» получила

высшую оценку — «отлично». В свое время Т. Рыжова окончила МГУ, потом работала, но любовь к живописи привела ее в художественный институт. Ее произведение говорит о мастерстве, об умении с большим обаянием раскрыть тонкие человеческие переживания; безмятежный диалог между молодой матерью и ребенком, так поэтично переданный скульптором, невольно вызывает теплую улыбку. Азербайджанец Камал Алекперов представил горельеф, посвященный борьбе иранской молодежи за мир. Его работа интересна не только тем, что молодой скульптор попытается передать своеобразный национальный колорит и в облике своих героев и в орнаменте, но и тем, что в практике института горельеф прежде очень редко выставлялся в качестве диплома.

Факультет графики в этом году окончил одиннадцать студентов. Среди их дипломных работ обращает на себя внимание выполненная в цвете серия станковых композиций Николая Кузнецова, названная им «Четыре ордена ВЛКСМ». Художник образно показывает этапы большого пути, пройденного орденосным комсомолом за тридцать лет. Каждый лист диплома (а их всего шесть) ярко воскрешает в памяти страницы славной биографии молодого поколения строителей коммунизма. Вот великий вождь В. И. Ленин принимает делегацию Первого съезда комсомола, вот молодежь трудится на строительстве города юности — Комсомольска, вот картина, отображающая бессмертный подвиг молодогвардейцев.

Молодой художник-график Сергей Курпиров подготовил для диплома иллюстрации к повести Л. Воронковой «Солнечный денек». Его рисунки отличаются теплотой, выразительностью и очень удачно дополняют книгу, образуя своего рода законченный рассказ в картинах, который поможет юному читателю лучше понять содержание литературного произведения.

В этом номере журнала воспроизведены только отдельные работы графиков и скульпторов. В ближайшее время, когда в Академии художеств СССР откроется выставка дипломных работ выпускников художественных вузов страны, можно будет познакомиться и читателя и с картинами молодых художников-живописцев, воспитанников Института имени В. И. Сурикова.

К. ФАНОВ

Юрий КАЛЕБИН

Три стихотворения

***

Есть в Приамье тихое местечко
Близ широкой просеки лесной,
Где берет свое начало речка,
Где рябиной пахнет и осной.
Ты туда ходила за грибами
С прутьями корзиночкой в руках,
Пригладала жаркими губами
К ледяной прохладе родника.
А налившись, глаз не отрывала —
Все гадаясь в воду, не дыша.
Оттого, наверно, ты и стала,
Как родник, чиста и хороша.

***

Мы встретились с тобой в мае
За Волгой,

на массовке,
год назад,
Но я и до сих пор еще не знаю,
Какого цвета у тебя глаза.
Быть может, карие, быть может, голубые.
Как полочек, темные — все может быть...
Да что об этом... Будь они любыми,
И все равно мне их не разлюбишь.
Ведь с чистой твоей, с душой твоею
Они в сто раз прекрасней всех других!.

Вот почему вглядеться в зиях роем,
Вот почему не знаю глаз твоих.

***

Вот и май!
Повеяло теплом,
И в каких-то полтора недели,
Купые березки под оленом
Копфочек зеленые надели.
Гордо,
С интервалами в строю
Встали, точно к утренней зарядке,
Тень обросли в комнату мою,
На мои раскрытые тетрадки.
Я в окошко гляжу и говорю:
— Ничего нет лучшего на свете,
Чем расти, приветствуя зарю,
Дружным строем, как березки эти.

Г. Дворянский.
Горьковская область.

Омар ГАДЖИ

В пути

Я с дороги в прощаль
Сброшу камень
(Так меня учили в детских лет),
Чтоб не оказалась под ногами
Камень у идущего вояды.

Сверстник мой, на трудности не сетуй,
Честь большая первому идти.
Лет градущих путники

за это
Добрым словом вспомнят нас в пути.
Перевел с аварского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

СЛУЧАЙ В ТУНДРЕ

Короткая летняя ночь в полярных широтах еще не успела погасить вечернюю зарю, а солнце уже начало подниматься над горизонтом. Косые лучи осветили тундру — однообразную заболоченную равнину, покрытую зеленовато-ржавым мохом — единственной растительностью в этих суровых широтах.

Юрий Кублицкий, молодой геолог, откинул полотноще платки, посмотрел на базальтовое небо и сказал:

— Не видно... Слышишь, Толя, самолета нет...

Анатолий Ивачтов, помощник Юрия, молчал. Он только что вылез из спального мешка и торопливо одевался.

Уже двадцать дней Кублицкий и Ивачтов находились в этой глухой, безлюдной местности на берегу небольшой северной реки.

Работу, которую им поручили, они выполнили десять дней назад, за ними уже давно должен был прилететь самолет, но прошли все сроки, а самолет все не прилетал. Два дня назад у молодых геологов кончились продукты. Осталось только порошок молодого кофе...

— Не понимаю, что могло случиться, — сказал вернувшийся в палатку Юрий.

Геолог не знал, что их уже давно искали, искали настойчиво и упорно, но не на той реке, где они находились, а на другой, протекающей километрах в тридцати от их стоянок.

— Нам надо уходить, Толя, — решительно сказал Кублицкий. — Больше ждать нельзя.

— Но куда же мы пойдем?

— За семьдесят километров отсюда на берегу моря есть зимовка. Там должны быть люди.

Молодые геологи упаковали материалы, собранные ими за дни разведки, завязали мешочки с остатками кофе и отправились в путь. В палатке осталась приваленная камнем записка, в которой был указан их маршрут.

Идти напрямик через тундру было рискованно. Оставалось двигаться берегом реки вниз по течению, чтобы спуститься к морю, а потом по берегу моря дойти до зимовки. Этот путь втрое длиннее, но на берегу моря мож-

но найти топливо для костра, к тому же этот путь безопаснее.

Сначала идти было легко. Юрий и Анатолий даже пели, стараясь подбодрить друг друга. Но с каждым километром силы убавлялись. Приходилось часто отдыхать. После каждой остановки все труднее было подниматься с места. Но они пересиливали себя и все шли и шли вперед.

Кругом, куда только доставал взгляд, выдвигалась унылая, кочковатая тундра.

На третий день пути, когда до моря оставалось уже сравнительно недалеко, они настолько ослабели, что едва двигались, поддерживая друг друга. Хотелось лечь на мох и уже больше не подниматься.

Во время одной из остановок Ивачтов радостно аскрикнул:

— Юра, смотри: собака!

Берегом реки следом за геологами действительно двигалось что-то похожее на собаку. Но, встретившись хорошоно, Кублицкий разочаровал товарища:

— Это же волк!.. Матерый волк, наверно, вожак стаи.

Вскоре геологи увидели еще шесть волков. Сначала звери держались на значительном расстоянии, трусливо отбегали прочь, когда Юрий и Анатолий начинали громко кричать. Потом волки осмелели и стали приближаться, полукольцом окружая путников.

Геологам удалось быстро отыскать брод и переправиться через реку. Волки отстали, но ненадолго. Вскоре они тоже перешли на другой берег и появились вновь. Тесно прижавшись друг к другу и настороженно оглядываясь, Юрий и Анатолий медленно брели, шатались от усталости. Юрий крепко сжимал в руке охотничий нож — единственный на двоих... А волки подбирались все ближе и ближе... Но за поворотом реки волки вдруг отстали. Вероятно, их отпугнул свежий след оленя.

К исходу четвертых суток молодые геологи увидели море. Темносерые воды его издали казались неподвижными, только у са-

мого берега седой от пены прибоя с неугомонной яростью бросался на отвесные скалы. Чтобы продолжать путь уже берегом моря, нужно было снова перейти реку. Но сил не осталось, и голые ледяные камни, кость сном немного подкрепившие себя — переночевать здесь, Укрывшись с головой брезентовым плащом, не думая об опасности, они уснули глубоким сном.

Кублицкий, проснувшись на расставле перьями, с трудом разбудил Ивачтова. Геологи подошли к реке и тут поняли, что совершили большую ошибку, не переправившись на другой берег выше по течению. Стесненная скалистыми утесами река бурным потоком устремлялась к морю. Течение было такое сильное, что могло унести человека.

— Неужели возвращаться? — проговорил Анатолий, глядя на водовороты, кипевшие у берега.

И действительно, возвращаться назад и искать более надежного переправа было невозможно: если у путников еще хватало сил

снова пошли вперед, с трудом передавая распухшие ноги.

Обогнув одну из скал, Юрий, шаедый вперед, внезапно остано- вился.

— Толай! Вот оно, базальт.

В криплот его голоса слышался непередаваемая радость. Но когда геологи подошли ближе к домам, то увидели, что база по- жута людьми. Даври и она за- кончена досками. Это было так неожиданно и непостижимо, что они, не веря своим глазам, шу- тливо руками доскам, прибрты к окнам. Наконец им удалось от- крыть дверь. Они бросились скатать продукты, обходя ком- нату за комнатой, но нигде ничего

в оставши бывшие жильцы. Геоло- гии растопили печку и уселись у огня. Когда отогрелись, Юрий сказал:

— Люди здесь жили долго. Не может быть, чтобы не осталось хотя бы крошек от продуктов. Давай пощем, Толай!

Они снова начали осматривать шкафы и столы. Удалось найти засохшие корки хлеба и кусочек сахара. Юрий даже обнаружил застаревший кусочек сала величи- ны со спичечную коробку. Они нарезали его микроскопическими дольками и положили в кашу, кото- рую варили из крупы, собран- ной в щелях пола кухни.

Прошло еще два дня. Юрий опухли и почернели, а по- мочи все не было.

Однажды, когда Юрий лежал на лавке у стола, а Ичатов охотнич- им тонком щепал лунную для растопки, послышался шум мото- ра. Анатолий бросил нож и вы- бжал на улицу. Низко, чуть не задевая за мачты радиостанции, летел самолет.

Ичатов прыгнул, махал руками. Самолет сделал круг над зимов- кой, лавкам поскакал крайками, и, найдя того, кто человека заменил, он указал удобную площадку, по- ехал на посадку.

А через полчаса часа Ичатов и Кублицкого встретили товари- щей. Едва устали колеса самолета коснутся земли аэродрома, как, обгоняя друг друга, к ним на- встречу побежали люди. Бережи- мы вынесли полноразмерные рюкза- ки Юрий и Анатолий. Геологи нахо- дились среди своих друзей, и все, что произошло с ними, все, что они пережили, сразу отошло в прошлое.

Только теперь Кублицкий и Ичатов узнали, как упорно искали пропавших людей в необятных просторах тундры. Самолеты и оленьи упряжки были посланы во все концы. Оставленная Кублиц- ким в палатке записка помогла попасть на верный след, и от- важные геологи были спасены.

В. ИВАНОВ

Схватка в лесу

Вот палы-палаты и прокрас, вот лес нехитрый народ предметов, необходимых охотнику, турусту или рыболову. Все это собрано и склад- чено с большой тщательностью люди знающими места в лесу. Видно, человек отправлялся не на корот- кую прогулку.

Одним из явчнем здесь много изо- ляционной ленты и плоскосты- высушачи, хоронию свисаю- щим, сапелем, разнокалибер- ным инструментом. Похоже, что человека интересовало не- что другое, и это оказался спир- товой комой, отличной фитанари- цы с запахом пивной и вилочку- выемки одного из лучших британ- ских районов.

Но это не все. В аквариумном брезентовом кошелее много жел- човки с ядами, с порохами для обжарки сала, обжарки не сумеет взять такой сала.

Облик шпона будет незнаком, если не упомянуть о жаренном колбасе, в котором не хватает духа патроны, о валяных обожках. Че- ловек рассчитывал прожить себе долгою череду времени во что бы то ни стало, где хитростью, а где и свинцом. Это был опасный выг- нок. Молодой пограничник Пётр- Фран Брудаун, идущий вперед, выискивая отголоски парашюта маршала, проверял себя: не уклю- нился ли в дозорной тропы, не да- маскировался ли валец ветку или, неосторожно ступив на сукоки, Брудаун не споткнулся ли недавно на границе, еще не свисая с мыслью, что он настоящий погра- ничник на небольшой срок службы уже сумел отлично за- учить весь участок заставы с его широкими лесными зарослями, сло- вами, поваленными стопами, боло- тными обочинами, провалочными ядами засад. Быстро освоившись в сложившейся обстановке, ему по- мого Владимир Карпов, который шавел сейчас поводи. Брудаун попом багровости и перекраивания до- зора, но учители, потому же, как и он, полагаясь на свой опыт и старость. Молодой пограничник не знает, что и Карпов доволен учеником- приятелем, обходящим котоплю с такой охотой и настойчивостью становится очевидным мастерством отеческого пограничника.

Ночь сурово выдалась темная, сумрачно, предвещая что-то. Юрий и Анатолий свисали сивую ведомую отработку, и Анатолий был бер которого — это уже чуж- дая, тонущая во тьме земли... Еще не наступил час, а человек ходил по тропе веточек, лес и погранич- ник невольно начал думать о своих азамы тунды, где им надо зацепь.

Брудаун отчетливо представ- ляет, откуда можно идти нару- шителя, где расположен соседний

наряд, как передвигаться, но обяза- тельно след. Но все-таки при завед- ном шорохе он бросается насторо- жно, стараясь не шуметь, стараясь узнать по его лику, тытся ли люди.

Звук в лесной тишине много. Вот матю упалилась о стволу злого унавившегося человека, кто- то сильно валохнул под ветком, отступив, стараясь не шуметь, берема на свете холма, Хрустуц где-то стучит... Каждый ночью люди в тундре не спят, стараясь понять, расшифровать. Вот снова звук, и тут же человек становится в том же месте. Искра вагнута на старую марду, Брудаун не слышит, кто из них не спит, кто заснул. Минуту, вторую, третью по- стоявший в тундре человек, выис- кивший над маленькой поляной густой тень. Тень неподвижна, и шлод из нее бесшумно шаплет че- ловек.

Обидно заскучатьо ненавистою, но чм не помешало Карпову при- нять хладнокровно, быстрое и точное решение идти на обмане- ние с вылазом, отрезав ему путь от- ступления и границе, ни на мгнове- ние не терять нарушителя на виду.

Карпов делает безмолвную ко- роткий жест, и Брудаун пони- мает: он должен ждать в тале, а Брудаун не должен двигаться, пограничник обжаривается с на- рушителем, и в самую секунду, когда враг приостановился, получа- ют очередь, — раздается тронный стук. Карпов не спешит, он знает, как в руке врага свинецуда сталь навешана на болтика своего секюду, он спускает курок. Человек свята- вается с пригода в кусты.

Брудаун не сразу понял, что это лишь хитрость врага. Тот упал на какое-то митовое место, Брудаун застреля и снатился ловко, в самую тень кустов. Но Карпов рассудил иначе, он был уверен, что враг не ушел. Там и есть: нарушитель уже выскочил из самой секунды, но кустами. Он пытается уйти за кор- доном.

Завяла мысль у пограничника: «Взять живым!» Самца полади ги- мелем да вылазом. Брудаун вы- ступил безглаго, Но враг сам не решает свою задачу: в руке его шю- белем блещет вылазом, и Брудаун вается на бегу через шпел.

Почувствуй, что вылазом, Карпов шавел врага. Наруши- тель рванел и пойма. Все, что он успел сделать, — это вылазом, много матерого врага задержал пограничник, и Брудаун быстро обжаривая границы своего любимой родины.

Г. ДМИТРИЕВ

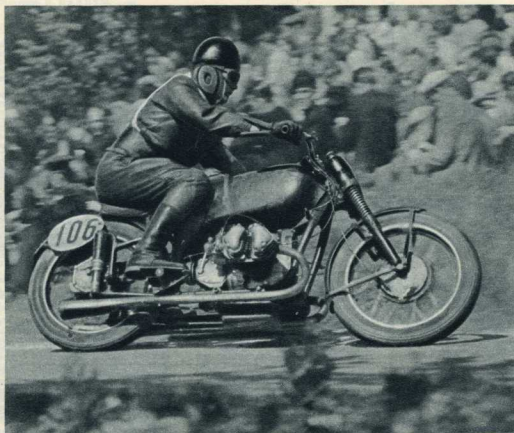
«Горный лен»

«несгораемый». Температура его плавления очень высокая — 1500 гра- дусов.

В России асбест впервые был най- ден в начале XVIII века на берегах реки Пашма, около нынешнего местонахождения города «Камыши- нудель» — вырабатывали мелочин, перчатки, коврики, полотно. Первую асбестовую фабрику в России сделать еще не умели. К вольным асбестом добавляли лен; при приде- нии и тундре их обильно использо- вали. В конце XIX века в Урале возникло асбестовое производство.

В наши дни ценные свойства ас- беста — несгораемость, высокая про- чность, тепло- и электрическая, исключительная прочность, способ- ность смешиваться с разнообраз- ными веществами, асбест является незаменимым материалом в про- мышленности и в других отраслях народного хозяйства. Из асбеста изготавливают несгораемые крыши и перегородки, одежду для пожар- ников, асбестовые трубы, бумагу, бумагу, картон, вату и многое дру- гое.

В. АЛЕКСАНДРОВА

ЧЕМПИОН ЭСТОНИИ ПО МОТОГОНКЕ

На шоссе дорог Эстонии можно часто видеть стремительно несущихся мотоциклистов. Этот вид спорта, воспитывающий смелость и отвагу, быстро reaction и тонкий расчет, пользуется большой популярностью среди молодежи республики.

Недавно на трассе Пирита—Кюсе—Кюостреста разыгрывалось лично-командное первенство республики по шоссе-молдовой гонке. Воспитанник общества «Трудные дорожки», молодой мастер спорта Олега Казеорг показал лучший результат в гонке на мотоциклах с объемом цилиндра двигателя до 750 кубических сантиметров и завоевал звание чемпиона Эстонии.

На снимке: Олег Казеорг на дистанции.

ПУТЬ МНОГИХ

Встретив Владимира Морозова после возвращения из армии, старый мастер серьезно спросил: — Бегать-то за фабричную команду будешь?

Владимир улыбнулся: как же мог он поступить иначе, когда столько хорошего связывало его с коллективом фабрики! Владимир давно не был на заводе, но друзья по цеху помнили о нем. Морозов даже не ожидал такой теплой встречи.

И вот он снова на своем рабочем месте, за привычным столом, и поперечу, как только наступил вечер, его потянуло на стадион. На следующий день он отправился туда.

С волнением подошел он к знакомым воротам стадиона: встретит ли тут старых друзей?

В секторах легкой атлетики, как и прежде, было людно. «Занимаются, значит, круглый год» — подумал Владимир. Встретившись внимательно, он заметил невысокого человека в тренировочном костюме, который что-то показывал группе спортсменов. Владимир ускорил шаг. Да, это он, его первый воспитатель и наставник в спорте, Алексей Иванович Селвертов. Та же походка, тот же внимательный взгляд немного прищуренных глаз.

— Здравствуйте, Алексей Иванович! — Володя? Демобилизовался? Ну, здравствуйте! — приветствовал тренер своего воспитанника.

Морозов рассказал о своей службе в армии. Не узнал, что за это время тренировался много. Алексей Иванович понял, что именно привело снова юношу к нему...

По-прежнему приходит молодежь в спорт. Один еще со школьной скамьи оглянул все свободное время спорту, других «отправляют» тренеры, третьи, один раз попробовав свои силы в заводском соревновании, сами потом приходят на стадион. Но большинство юношей и девушек начинают спортивный путь с участия в комсомольско-молодежных кроссах. Этих путем, путем многих, пришел в спорт и Владимир Морозов, старший бригадир фабрики имени Советской Армии.

В один из ярких и чистых московских весенних дней, когда, по хорошей традиции, тысячи физкультурников принимали участие в очередном кроссе, среди стартовавших на тысячу метров находился и худой, яныковский паренек Володя Морозов.

Начался забег. Пройдя первую сотню метров, Володя не чувствует усталости, прибавил темп, обогнал нескольких соперников. Дышал ровно, и он снова увеличил скорость. Вот вперед него уже никого нет, но в этот момент он почувствовал, что ему не хватает воздуха, нет сил бежать дальше... С трудом закончив дистанцию, Володя все же оказался первым среди безымянных физкультурных коллективов. Приз и грамота областного совета ДСО «Труд» были вручены ему — победителю в весеннем кроссе.

Возвращаясь домой, Володя решил заняться спортом по-настоящему. Правда, тогда он сам еще плохо понимал, что это значит — заниматься спортом «по-настоящему».

На другой день он стоял перед старшим тренером Селвертовым.

— Значит, хотите заниматься у нас?

— Да... Бегом.

— А раньше занимался чем-нибудь?

Трудно было признать, что, кроме кроссов да велосипедов, он ничем не занимался. На стадионе Володя видел легкий и красивый бег спортсменов. Втайне ему давно хотелось научиться но так же быстро бегать, но пока он только один раз принял участие в кроссе...

— Первое место, говорите, занял? Хорошо... Ну, что ж, приходите. Только учтите, придется немало поработать.

— Этого я не боюсь! — весело, ответил Володя.

Так Морозов стал членом легкоатлетической секции спортивного общества «Труд». Сразу возник вопрос о выборе дистанций. Для коротких дистанций молодой спортсмен был слишком легок, а для длинных нужна большая выносливость. После нескольких прикидок опытный глаз тренера определил, что Морозов лучше всего бегать на средние дистанции — 800 и 1500 метров.

Уже с первых занятий для Володы стало понятно, что тренер подразумевала под словами «немало поработать». Приходилось не только привыкать к большой физической нагрузке, но и кропотливо отбатывать координацию движений. Порой казалось, что уже все идет хорошо. Но тренер заставляла его и еще наращивать скорость. Морозов аккуратно выполнял все указания своего воспитателя.

К концу своего первого спортивного сезона Морозов выполнил норму второго разряда. И не только на средних дистанциях — он легко пробегал пять километров... Но все это было радостью.

На первых после перерыва тренировках Алексей Иванович внимательно приглядывался к Владимиру Морозову. Спортсмен много потерял в технике. Сразу бросилось в глаза: бегу завалено колено, шея как говорит спортсмен, «надающим бегом», чрезмерно напряг плечи и руки. Это сказывалось на координации движений, а значит, и на скорости. На прикидках он едва показал время третьего разряда. Но Володя не сдавался. С присущим ему упорством он заново начал учиться управлять скоростью, бегал с переменным темпом, проходил одинаковые отрезки дистанции то с большей, то с меньшей скоростью. Была увеличена нагрузка, ежедневная тренировка сезона вскоре снова научила руководить бегом...

Прошлой осенью в Нальчике, где спортсмены профсоюзом подняли флаг первенства ВЦСПС по легкой атлетике, Владимир Морозов показал результаты, близкие к нормам первого разряда. Он стал квалифицированным спортсменом.

— Это — уже прошлое... рассказывай сейчас Морозов. — У меня теперь новая цель: в этом году я должен выполнить норму первого разряда. Но восемьсот метров мне нужно «соробать» три секунды, а на полторы тысяча — семь.

На фабрике комсомола знают бригадир корпусников Владимира Морозова. Он известен и как передовой производственник и как умелый спортсмен-организатор. Являясь членом комитета комсомола — ответственным за физкультурную работу, — Морозов сумел привлечь молодежь фабрики к занятиям спортом. Владимир Морозову присущи лучшие черты советского спортсмена. Честь коллектива для него прежде всего. Как-то команда общества «Труд» готовилась к соревнованиям на Кубок Москвы по легкой атлетике. Выбывало накануне сбитый заболел спортсмен, который должен был выступать в беге на 3 тысячи метров с препятствиями. Дистанция трудная, требующая специальной подготовки. Единственный надежный запас уругрой. Тренер предложил бежать Морозову. Он был уверен, что не сумеет пройти эту дистанцию, и Владимир не подвел коллектив.

...В юношеские годы у каждого есть свои мечты. Морозов мечтал вырасти упорным, настойчивым, выносливым, не боящимся трудностей спортсменом. Мечта его сбылась.

Л. ВУДКО

Илья ДАРМАНОВ

ПО ДОРОГАМ ИРАНА

Иран — страна огромных природных богатств и вопиющей народной бедности. Когда говорят о богатствах Ирана, то имеют в виду прежде всего нефть, но ее запасы долгое время грабительски эксплуатировались иностранными империалистами. Много лет в Иране хозяйничала АИМК (Англо-иранская нефтяная компания). Англичане империалисты, получившие баснословные прибыли, обрекали иранский народ на голод, безработицу и нищету.

Несколько лет назад в Иране развернулось массовое движение за изгнание из страны иностранных империалистов, за национальную независимость. Народ повел героическую борьбу за осуществление закона о национализации нефтяной промышленности. Этот закон был утвержден правительством 15 марта 1951 года. Однако империалисты не хотели смириться с потерей «клямого кусочка». Особую активность проявили американские монополии. Они не брезговали никакими средствами, чтобы подавить народное движение, изменить состав правительства и, прибрав львиную долю нефти к своим рукам, отвести английское содержание. Американцы начали со стороны роли «освободителей», а заодно и свою миссию тем, что стали хозяевами положения.

Новое правительство Ирана пошло на договор с монополиями за спиной иранского народа. Оно подписало соглашение, по которому отдало нефть в руки тем извращенному международному нефтяному консорциуму. В состав консорциума входят 6 иностранных нефтяных монополий — пять из них американские.

Американские империалисты стараются вернуть Иран в систему военных агрессивных «соединений». Страну наводнили многочисленные «советники», присланные из США. Они осуществляют милитаризацию Ирана.

Иранский народ, знающий, кто его дружит и кто враждует, не прекратил борьбу за национальную независимость. Вместе с людьми старших поколений в этой борьбе участвует молодежь. Ее возглавляет Союз иранской молодежи. Иран в гундоловской партии Туве. Работая в условиях подполья, союз изо дня в день укрепляет свои связи с широкими слоями народа.

Никои мы публикуем заметки И. Дарманова, рассказывающие о тяжелых условиях жизни иранского народа, о судьбе тысяч безработных.

У обочины дороги, ведущей из Тегерана в Кум, стоял человек в засаленном костюме и войлочной тюбетейке. Через плечо у него была перекинут хорджин¹. Человек походил на безработного, странствующего из города в город в поисках заработка. Нахмурил брови, он поглядывал в сторону столбца; не идет ли машина?

Было раннее утро. На горносклоне раскрывался багровый вечер лучей асхадского солнца. В сухой траве перекладываясь перепелки, над полями поны жаровняры, не сходила трескотня кукурузок.

Наконец со стороны города показались грузовик. Путьник вскинул руку. Шофер, остановив машину, открыл дверь кабины и, улыбаясь, сказал:

— Алах — свидетель, я не собирался останавливаться, но мне стало жаль тебя. Грех, думаю, не подвести человека. А куда тебе?

— До Кума. Я заплачу — отвел ты путник, разглядывая молодого шофера.

— Мне твоих денег не нужно. Ты лучше скажи, как ответить верблюда, когда его спросят: «Отчего у тебя спина горбится?»

Путник на мгновение растерялся. Затем, скрывая в усмешке тонкую гримасу, провизгел:

— Верблюд отвечает: «А как мне ее распрямить?»

— Правильно. Садись. Значит, хороший человек, раз знаешь народные поговорки.

Некоторое время ехали молча. Шофер дружелюбно поглядывал на спутника, наконец, чтобы как-то прервать тягостное его молчание, достал из кармана сигареты.

— Погоди, попробуй лучше вот эти... сказал пассажир и протянул пачку дорогих сигарет. Заметив удивленный взгляд шофера, последово пояснил: — Любож хороший табак, на последние деньги купил... Тут же придется, если не найду работы в Куме.

— В Тегеране не нашел, так в Куме и подождем. Не найдешь — заметил шофер, беря сигарету.

— Я совсем измучился в поисках заработка... вздохнул пассажир. — Кум — моя последняя надежда.

— Не отчаивайся: из черных туч падает светлая вода.

— Слова твои справедливы. Как тебя зовут?

— Это не я сказал. Это слова Саади, а зовут меня Ардашир. А тебя?

— Бабак — мое имя. Ты говоришь — отчаивайся... Как же не отчаиваться Ардашир, если живем мы очень плохо? Наши правители не думают о нас... А кто твой хорджин? — неожиданно спросил пассажир.

— Работую у купца Аббаса Али Хава, — ответил Ардашир. — Мераж скрывает — двадцать сбавлял мне плату. Тутю ради денег родного отца утонул. Да ты, наверно, слышал о лем: это известный человек.

— Откуда мне знать его, Ардашир? Я не из Тегерана, а из Маку, я ездить искать работу.

— Значит, еха на запад тебба, а увидя, как выжигают тебба осу? — усмехнулся шофер.

Машина мчалась по асфальту. Медленно вставало знойное солнце, безлюдный край от дороги бесконечные цепи гора, а слева — обширные поля, постепенно переходившие в мертвую пустыню. Внезапно все чаще попадались пешеходы. Женщины, худые и горбатые, в белых или черных чадрах, везли за руку ягил несли на спине детей. Мужчины в рубищах таскали на себе овог скудный скраб.

— Все равно в Тегеран, думаю найти там работу, — заметил шофер, наблюдая эту печальную картину каждый день. — Если собрать все слезы годовых и бездомных, то образовалась бы целое море.

— Так что же делать, Ардашир?

— Что делать? Мягкое дерево тонит червь, значит, надо быть кренким. Надо требовать, чтобы американцы и англичане ушли из Ирана. Раньше мой хозяин торговал мануфактурой местных фабрик, а теперь — только английской. В Тегеране, Исфагане, Тавризе закрылось много фабрик, и рабочие остались без куска хлеба. Разве не ясно, что наши фабрики и заводы должны снова начать работать?

— Правильно говоришь, Ардашир. Видно, ты бывалый человек. Расскажи о себе, продумай будущее.

— О чем рассказывать? — И вдруг, словно припомнив что-то веселое, шофер ожил, ударил ладонью по баранке и начал: — Ты прав, рассказать есть о чем.

В дороге все равно делать нечего, слушай мою родословную. Если

накутит, останюв; я не шейх и не бек — не обижусь. Мне двадцать второй год. Да будет тебе известно, что столько многие зовут в Тегеране. Если меня спрашивают: «Чей ты сын?» — я отвечаю: «Зольфали». Услышав такой ответ, одни говорят: «Это тот самый, который работал у одним сапожником» — а другие спрашивают: «Это не тот ли, который развил шакскую воду?» Мой отец заслужил известность тем, что нехал давать лет занимался пошивкой обуви. А когда состарился и овог стало трудно уравниваться с шилом и дротой, он подыскал себе более легкую и почетную работу — стал продавать воду из шакского арма, сделавшись придворным человеком. Не каждый этого удостоится! Его кричал голос «Аби! Аби!» слышали на всех улицах. Не всевог министры или депутаты меджлиса знали тегеранца, а отец, дай Аллах овог здоровья, был известен всевог. Он был очень щепетильным и дорожил своим именем. Правда, случалось горюила мне: «Смотри, не позорь меня своим поведением, береги честь отца, не забывай!»

Отец служил при дворе шаха! Отец всегда ставил умог, а премьер-министр — то-то-нибува, а Дюклядеддин, сына хорозского шаха, о котором много насмивались при дворе... Ты хоть немного знаешь историю, благоговейный Бабак? — спросил Ардашир.

Тот отрицательно покачал головой.

Машина легко катилась, и так же легко лился рассказ шофера: — Мать моя — женщина тихая, благоговейная мусульманка. Никто о ее существовании не знает, кроме нас и отца, и никто, кроме нас, не видел ее лица. Отец этим очень гордится. А все-таки он чуть не разошелся с ней: боялся, что не будет наследника. Три моих братья умерли еще маленькими, а четвертый, напоминавший медвежью кошку, и спроста: — Тебе не надоело?

— Нет, нет! — возразил Бабак. — Ты, видно, очень образованный человек, Ардашир. В твоем веселом рассказе много горечи.

— Как видишь, героя из меня не вышло. Я всевог-навсего шофер. Да будут длиныи годы жизни твои, но научи меня держать баранку. А научиш меня этому делу русские солдаты в то время, когда они извлекли нас от фашистов. Промте же я выучился сам.

Шофер умолк, задумавшись о чем-то. В кабину сквозило откры-

1 Аби и — вода.

тые она прокипал горячий ветер. Становилось душно. Безработные группы и в одиночку все шли и шли вперевыт машину.

Вдоль показались строения города Кума, над которыми возмалась золоченый купол мечети Фатимы.

В тени амангельского дерева, у самых обочин дороги, лежали трое обессиленных путников. Кивнул на них головой, Ардашир сказал:

— Саади писал когда-то: «Европейские люди и в плохой одежде бывают подобны жемчужине, находящейся в раковине». Жаль, что эти справедливые слова забываются нашими!

— Отчаянный ты человек, Ардашир,— сказал Бабаб.— Как можно так открыто высказывать свои мысли? Твои слова, как и полные, направлены против шахиншахских горняков.

— Разве? Я говорил только правду. Ведь я же знаю, с кем беседую. Им персы, урессом говорю, гонимым по-тогузбунскому, с соколом по-сокольному. Вот ты, помоги тебе аллах, ходить из города в город в поисках работы и не находить ее. Кто в этом виноват? Думал ли ты над этим?

— Не приходилось,— ответил Бабаб и вдруг спросил, вглядываясь в лицо шопера:— Ты, наверно, ученый?

— Нет, я не ученый, хотя и знаю, что в этой партии состоит очень честные люди.

— Моей радости, Ардашир, такой отчаян о партии Туде Скажу тебе по секрету: я член партии.— Значит, ты тудей?!— удивился шופер.

— Тшш!— сказал Бабаб, приложив палец к губам.

— Но я не тудей, и тебе не следовало бы открываться, добрый Бабаб!

— Что ж, ребенок? А пароль?

— Какой пароль?— удивился шопер.

— Как какой? А послонья напечатана в периодода?— усмехнулся Бабаб.

— Аллах—свидетель,— шопер пожал плечами,— понятия не имею о паролках!

Вскоре несколько минут машина уже проезжала на каком-нибудь узком Кума. За окнами кабуки мелкая и гнилобитые лачуги и утопающие в зелени кирпичные строения.

Первое, что бросилось в глаза Ардаширу и Бабабу,— это толпы людей, струпившихся в тени лодок, заборов и деревьев.

— Они тоже ищут работы, как и ты,— заметил Ардашир.

— Ничего не поделаешь! Придется возвращаться в Тегеран,— проговорил Бабаб.

Ардашир остановил машину возле склада мануфактуры. Бабаб предложил шоперу вместе проехать по городу, пока идет дождь. Машина. Они пошли по пыльной улице мимо чайхан, облупленных хибарок, больших магазинов с яркими витринами. Ардашир услышал прокатывающиеся голоса лоточников, предлагающих различные товары. Но напарно они старались. Люди, заположившие улицы города, не обращали внимания на тект. Это были безработные самых различных профессий: кузнецы и лудальщики, столеры и плотники, сапожники и неважные мастера. На их чертах от надежды легла печать уныния и растерянности. Они брели в столы.

1 Туде чин—член Туде, народная партия Ирана.

цу Ирана из разных городов и сел страны. Отправлялись в путь обычно с вечера, они шли всю ночь, а с наступлением утренней жары останавливались на отдых там, где была тень: в городах, селах, лесах и оврагах... Люди, идущие из Тегерана, могли бы сообщить им горькую правду: в столице нет работы. Но, вероятно, они не хотели слышать безработных последние надежды. Впрочем, кто бы из этой толпы поверил, что в Тегеране нет работы!

Ардашир и Бабаб увидели обворванного старика с пыльной, сваленнойся бородой. Сидя на земле, он шел покосившимся голосом о человеке, который в поисках счастья побывал в Мекке и Багдаде, в Исфагане и Мешехе, но счастья нигде не обрел и все же

ненькие носки, стояли у дверей чайхан: Когда Ардашир и Бабаб проходили мимо, мальчик, страдавший умбамис, протянул ручки. Шопер положил в их ладошки по медьку и пошел дальше.

В тени тутового дерева толпились чем-то встревоженные люди. Ардашир пробрался сквозь толпу и увидел изможденного старика, который лежал на потрескавшейся земле, прикоснувшись голой и пыльной ступею дерева.

— Подымите меня,— с трудом произнес старик.

Ардашир опустился на колени и приподнял его голову.

— Дайте мне воды,— сказал молодой.

Молодая женщина поднесла к ступе тару глиняную кружку. Он

рающего, и тут же из толпы по таянулся десятая рук.

Старик умер. Не успев еще лодку договорить о похоронах, как на улице сгустился Ардашир, как казалась колонна грузчиков. В кузовках сидели бело одежде, изможденные мужчины, женщины и дети. Лица показались Ардаширу знакомыми. Очевидно, он уже встречал их на дороге. Затем подкатили двадцать пустых грузовиков и стали вливать угля, а вслед за ними, осушая улицу треском моторов, примчались на мотоциклах десятки дав вооруженных полицейских.

— Ардашир, Бабаб, целое войско!— заметил Ардашир.

— Вижу, вижу.

— К чему все это?

— К чему?— переспросил Бабаб.— Эти люди шли, как овцы, в Тегеран, а теперь их отвозят куда-нибудь подальше от столицы и вышнурют.

К толпе, окружившей покойника, подошли два офицера полиции.

— В чем дело?— строго спросил один из них.

— Человек умер,— пояснил кто-то из безработных.

— Когда умер?

— И десять минут не будет,— ответил Ардашир.

Офицеры переглянулись. Потом тот, кто был выше ростом, ворчливо заговорил:

— Видите, что делается? Все эти люди,— рукой и белой перчаткой обвел толпу,— страдают черной болезнью, из одного меззя пускает в Тегеран. Надо им помочь вернуться к месту жительства. Лето!

Несколько минут слуств толпы безработных ошенила полиция. Угрожая автоматами и дубинками, полицейские загоняли людей в машины.

Воронато огладевшись, Бабаб юркнул в толпу и, подойдя к офицеру, стоявшим в тени тутового дерева, кивком отозвал в сторону высокого офицера. Когда они очутились наедине, офицер вдруг вынул из ступки и приложил руку к козырьку.

«Бабаб, он же чиновник тайной полиции, прибывший в Кум, чтобы изучить настроение безработных, показал на шопера Ардашира».

Но сто немедленно арестовать, он красный.

Когда Ардашир вернулся к своей машине, его уже ждали полицейские.

Вскоре они очутились на узком переулке. Безработных увезли далеко от столицы и бросили на дороге.

не сдавался, шел все дальше и дальше— а славный Тегеран, надеясь найти счастье у подножия шахиншахского престола. Песня обрадовалась словам: «А есть ли и там счастье?»

С появлением в городе безработных была поднята на ноги вся местная полиция. Она патрулировала улицы и переулки, охраняя дома богатых.

Солнце стояло в зените. Было невыносимо жарко. Люди задыхались.

Два мальчика в равных рубашонках, из-под которых торчали то

сделал несколько глотков и вдруг заговорил:

— Вы, голодные, раздетые и разгнанные люди, братья и сестры мои, дайте слушать меня. Я умираю, и мой велит мне сказать вам несколько слов. Если вам дорога жизнь и жизнь ваших детей, то возьмите листовки из моего хорджина. Помните, что нет такой тюрьмы, которая могла бы задушить правду...

Никто не тронулся с места.

Старик в укор молотел на толпу. Но вот худой обросший мужчина потянулся к хорджину уми-

ИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТЫ

ЧТО ВОЛНУЕТ СТУДЕНТА ИТОНСКОГО КОЛЛЕДЖА

Колледж в Итоне—одно из наиболее известных и признанных университетских учебных заведений в Англии. Воспитанником Итонского колледжа во время войны являюсь и сам. Сюда принимают студентами только из богатых и знатных семейств.

Об Итонском колледже мы слышали в связи с знаменитым письмом, появившимся недавно на страницах журнала «Итонколледж» «Кросс». В письме этом был затронут весьма важный вопрос: Автор писал о бабьюке. Но рассматривался вопрос: отсюда не в научном плане. Было и том, что в течение уже пятисот лет,

вплоть до наших дней, в Итонском колледже существовала дисциплинарная организация, как горна бабьюковой палкой. Был кокет, знаменитый автор письма, подписавшийся «Губою задетый студент», решил выразить свое возмущение тем фактом, что в Итоне с военно-морскими студентами до сих пор разговаривают без знания бабьюковых палочек! Иностранию. Автор письма не склонен идти против всякой тенденции, это глубоко заведо другое. Он возмущен тем, что бабьюковые палки индифферентны из Японии, тогда как за морские владения Англии, например, Малайя, достаточно много бабьюковых деревьев. Уж если, мол, быть бабьюком, то хотя бы палочкой отечественного происхождения...

СТОИМОСТЬ ОДНОГО КВАРТИРЫ В ПАРИЖЕ

В Париже, между Огтейем и Булонским лесом, развезены миллионы строительного материала. Для того же строить эти дома, как бы французского гражданина. Каждый, кто хочет, вправе приобрести квартиру в этих домах, в том числе и любой из тех, кто в столице. Ведь миллионы из рабочих живут в трущобах, и в Париже не так много приспособленных под жилье.

Не переходя на новую квартиру, человек, желающий строительство мешать лишь то обстоятельство, что стоимость квартир в новом доме составляет 8-10 миллионов франков, а цена старой, на которую можно продать его 30-пятилетнюю зарплату.

Искусство реставратора

На столе сложился бесформенный комок. Он выдан при раскопках средневековых погребений в Азербайджане. Ветхая газета аккуратно разглажена в этом комке несложно водонепроницаемой тканью. Реставраторам предстояло восстановить эту ткань.

Ткань азербайджанская — дело, требующее большого искусства и знаний. Находку нужно очистить от земли и грязи, обработать химическими препаратами, восстановить ее форму, размер.

Для того, чтобы размягчить ткань, выданную в Азербайджане, ее обрабатывали паром, затем помывали дистиллированной водой, осторожно утюжили. Ткань, долго пролежавшая в земле, обильно приобретает спонжированный вид. Реставраторы подмываются так называемой патинной — окисью железа. Такой же окоричняющей была азербайджанская ткань. Но по сохранившейся кое-где чуть заметной синеве реставраторы выяснили ее первоначальный цвет.

Они установили, что из нее был сшит богатый костюмный халат: узкий длинный оригинальный, с одним длинным рукавом. Более 60 лет пролежала ткань в земле. Муж реставрировал халат немало подвигами: моетелем сотрудничали ученые Клавдия Мозорина и Галина Советникова. Их труды о преледе урму, теперь халат находится в Бакинском краеведческом музее.

Среди экспонатов Государственного исторического музея можно увидеть множество реставрированных вещей: костюмы, знамена, парадные штандарты, сабли, мечи, утварь. Постоятели в экспонатах, расшитый золотом костюм известного средневекового поэта И. Явуса. Костюм этот вывезен из гробницы спустя двести лет после смерти поэта и реставрирован.

В одном из залов Исторического музея стоит огромный бюст

морской саркофаг. Поражает филигранность его отделки. Саркофаг относится к концу IX — началу XII века до нашей эры. Найденный во время первой мировой войны в окрестностях нынешнего укрепления бина страны Таманской, он был помещен в Таманский краеведческий музей. Где простоял до 1943 года. Фашистские варвары при отступлении разрушили этот азиатский памятник страны. Проведение искусства было равно как высказались поэзия на 1 573 куски.

Местным мастерам и сотрудникам Исторического музея удалось собрать по одному все осколки. Многочисленные группы реставраторов и над тем, чтобы подобрать идеи для реставрации осколка. Саркофаг был восстановлен в прежнем виде.

В Мостовском ведется также большая работа по изготовлению муляжей и копий старинных документов и чертежей. Во вновь созданы один из старейших работников музея. В реставрационных мастерских музея восстанавливаются произведения искусства. Вспомогательная работа перед началом боевой операции восточной равнины старинные портреты. Один из них — турки, вывешенный в или еще не припасался рука художника-реставратора. Другим является написанным недавно, так свиной и лиси их красны, восстановленные сотрудники мастерской С. Сулейманов. Старинные книги, трюмные чертоточники и другие старинные произведения химического состава.

Искусство реставратора возвращает к жизни предметы старины, выявляет интересные моменты материальной культуры древних времен и народа.

Н. ТУМАНОВ

Днепропетровск. Детская железная дорога в Парне имени В. П. Чкалова. Поезд прибыл на станцию «Пионерская».

ГОЛУБОЙ ЭКСПРЕСС

Скорый поезд № 12 вышел со станции отправления только по расписанию. Минутная стрелочная поезда и система светофоров машинист вывезал и радиотелефон дежурного по станции, доложил.

Через полторы минуты состав вошел в тоннель. С этого момента работу по туннелю приняла дежурная машинистка. Вскоре она предупредила машиниста:

— Но данных местонахождения, сигнала, выйдя, осторожно при торможении.

В это же время дирижер объявил:

— Скорый поезд номер двенадцать прибывает на первый путь... Стоянка четыре минуты. Повторяю...

На перроне заступились встречниками. Из будки вышли станционный осмотрщик вагонов, бумгадир путейцев и дорожные мастера. У вокзала встали стрелочники с веделами флюидов.

На перроне на вагоны высыпали дети, сошли малыши и подростки лет четырнадцати, к нему подбежал его воспитанник — дежурный по станции в красной фуражке. Станционный смотритель, проводник — тоже дети.

Поезд подошел к платформе, и который подошел поезд — один из лучших детских железных дорог, построенной в Днепропетровске в Парне Чкалова и отдала. Называется эта дорога — Малая Сталинград.

— На станции «Пионерская» в красном здании вокзала есть и зал ожидания, и билетный кассовый, и билетный кассовый, и билетный кассовый. В двух километрах от железнодорожной станции имени Чкалова.

Здесь набились службой паровозной, электровозной, мотороллерной. Тут же старшина и слесария мастерской для юных железнодорожников и день, в котором находится два паровоза и четыре вагона. На станции в парке имени В. П. Чкалова лет своего существования этой детской железной дороге 80 тысяч километров и перевез свыше миллиона пассажиров.

Десять железных дорог в СССР делают шесть. Все они имеют от-

метров не малое хозяйство: 130 километров путей, 46 паровозов, 185 вагонов, десятка зданий станций и лет.

Ежегодно тысячи ребят приходит на свою железную дорогу, там они изучают все профессии железнодорожника и часто находят здесь свое будущее специализацию. Занятой они занимаются в школах железнодорожного строительства. В этом заключают полученные знания на практике.

Многие лучшие специалисты железнодорожного транспорта начинали свой путь на малых доро-

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО СПОРТА

Мечвая русская альпинистка

27 июля 1900 года и подвиги Деваровской ледника вышли три человека. Впервые шел молодой строитель юности, перевезанный крестьян-крестьян веревкой. За ним шла высокая женщина в дождевом плаще. В туше у нее была маленькая палка и стрелы пансионном. Третий путник был средних лет мужчина, несший спортивную палку и мешок с провизией.

Таким образом группа перевезла спелеологическую ленту ледника и достигла каменной осины. Альпинистки начали поворачивать по левому склону и довольно скоро достигли нового ледника. Здесь женщины отдохнули и запаслись водой.

Путники и привалы дала женщина. По тому как послушно выполняли указания все ее распоряжения, нетрудно было догадаться, что старшей в группе являлась именно она. Это была талантливая интеллигентка Мария Павловна Преображенская.

Впервые услышав о ней на Кавказе в 1896 году она без промедления одна преодолела Деваровский ледник. Этот успех окрылил Преображенскую, и она решила продолжить восхождение на вершину Кабачка. Сопровождал ее высшая местная интеллигентка Исаак Безрутанов и Алексей Афонин.

Помогая друг другу, они упорно продолжали подниматься. С большим трудом им удалось достичь одиноко торчащих скал, прозванных Первой и Второй Облытками.

А между тем погода все ухудшалась. Изым метели часть пути альпинистки пришлось исходить. Но вот силы остались повали. Усталые путники приоблеглись к краю ледника, изобретенного трезнином. Идти дальше было бесполезно. Преображенская решила вернуться в лагерь.

Там дни были непогода. Временами раздалась, отгулившись ледники расстая, оттаивавшая глыбы, падали камни. Это сплюснули лавины, падали камни. Преображенская установилась благоприятная погода, альпинистки снова вышли на штурм вершины. Оказалось, что метель разрушила им хорошую службу: ледники южнее Кабачка порвались ветробоями снегом, иды стало гораздо легче, ноги не скользили. Однако так продолжалось недолго. Как только альпинистки вступили на оттаявший лед, продвижение опять замедлилось. Сухой снег осипался под ногами.

Наконец горстка смельчаков достигла просторного снежного поля с восточной стороны. Это была вершина Кабачка. Последнее восхождение Мария Павловна совершила со своим мужем Преображенским. На Кабачке она побывала в последний раз. После восхождения Мария Павловна совершила восхождение на вершину Кабачка. Сопровождал ее высшая местная интеллигентка Исаак Безрутанов и Алексей Афонин.

Б. ИСАЕВ

Детская малая Московско-Рязанская железная дорога. Юные пассажиры спешат занять места в вагоне.

гак, Владимир Пасынов был машинистом на малой Московско-Рязанской. Ныне он инженер, заводской бригадир на железной дороге. Пропавший одного из подмосковских детей, доживший по станции «Путь Ильича» детской железной дороги Татьяна Новиконина и машинистом доживший до станции Капонины инженерами. Они работают в Министерстве путей сообщения.

А. БОРИСОВ

ПУНЧИ НА ПРОГУЛКЕ

(Продолжение.
Начало см. «Смеху» № 16.)

3. Для толстоногого слона
Вода не слишком холодна.

4. Качаться захотелось другу.
Ну что ни Услуга за услугу!

1. Ну что за встреча!
Право слово,
Совсем как в басне у Крылова:
Ай, Москва, знать, она сильна,
Что дает на слона!

2. «Какой хорошенький
ребенок!
Он много меньше, чем слоненок!
Позвольте крошку покатать!»
«Нет, я боюсь!» — сказала мать.

5. Какой тяжелый, слонный труд!
Слон пишет, как его зовут,
Во много раз трудней, чем нам,
Дается грамота слонам.

6. Зато, когда машина стала,
Заглох мотор у самовала,
Слон Пунчи запросто не прочь
В беде водителю помочь.

7. Спит умный Пунчи — добрый
слон.
Он крепко спит и видит сон.
Но то, что видит он во сне,
Не угадать ни вам, ни мне!

Цена номера
2 руб.

